

ВАЛЕРИЙ ПОПОВ

За грибами в Лондон

Большая литература. Валерий Попов

Валерий Попов

За грибами в Лондон (сборник)

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Попов В. Г.

За грибами в Лондон (сборник) / В. Г. Попов — «Эксмо»,
2018 — (Большая литература. Валерий Попов)

ISBN 978-5-04-090793-9

Валерий Попов – человек, который видит удивительное повсюду: на американском хайвее, в английском парке, посреди Ладоги и в собственном доме. Его знаменитые друзья-писатели и чуть менее знаменитые питерские соседи, детские воспоминания, зрелые размышления и многое-многое другое живут в сборнике путешествий и приключений «За грибами в Лондон».

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090793-9

© Попов В. Г., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Похищение Европы	6
Поезд дружбы	6
За грибами в Лондон	9
Крылья любви	16
Последнее романтическое путешествие	20
Через границы	21
Запретные радости	35
Бабочка	37
Рабочая гордость	39
Встречи на высоком уровне	42
Париж навсегда	43
Птичий двор	45
Открытие Америки	47
Америка моих друзей	47
Бунт на корабле	47
Аборигены	51
Явление Бродского	53
Американский футбол	55
Свобода не для дураков	62
В глубинке	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Валерий Георгиевич Попов

За грибами в Лондон

Путешествия – лучшая часть жизни...

© Попов В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2018

* * *

Похищение Европы

Поезд дружбы

Помню, как впервые пересекал границу. Вот последний наш берег, за ним – непривычно пустая река: ни лодок, ни купающихся. На нашем берегу – провожая нас? – лежали в позах весьма непринужденных четверо пограничников в зеленых фуражках, жгли костер. Дым низко стелился над водой. Отдыхают? Но почему именно здесь? Странное выбрали место. Говорят, что лучше всего запоминается именно что-то загадочное, не объясненное до конца. Посыпались гипотезы, шутки: «Может, костром этим отвлекаем внимание, а наш человек в другом месте переплывает реку?» – «Но зачем? – рассудительно сказал наш руководитель Леха. – Если и так сейчас переезжает границу целый поезд «наших» людей?» Но для чего же горит костер? Советская школа нас как воспитала: «Нет дыма без огня!» Над костром не было ни котла с ухой, ни шашлыка. Так зачем же? Посыпались новые версии: молодежь была «творческая», пытливая, и по случаю первого пересечения границы все мы были возбуждены. Ветер мотал дым то в одну сторону, то в другую. Запомнилась самая парадоксальная версия (которую, кстати, высказал я): «Пограничники жгут костер, поддерживая «дым отечества», который, как известно из классики, «сладок и приятен». Эту версию весело приняли. И так мы переехали мост. И встали. Вошли их пограничники, в непривычной форме (первый заграничный шок), смотрели наши паспорта, с акцентом (что естественно) спрашивали, что везем. А вдруг не пропустят, придерутся к чему-то?

Волновались все. Хотя готовили нас вроде бы тщательно: отбирали самых достойных, потом нас еще инструктировали, учили... Мы вызубрили наизусть непростые имена руководителей компартий самых экзотических стран – но пограничники почему-то их не спрашивали. Что-то другое интересует их? Может, моральный облик? Комиссия старых большевиков райкома проверяла нас!

– Как с этим делом у тебя? – спросил меня председатель комиссии, шелкнув пальцем по кадыку.

– Никогда! – вскричал я.

– А с этим? – Сосед его вдруг – дважды! – шлепнул ладонью по кулаку.

О чем это он?! Даже не понимаю!

– Даже не понимаю вас.

– Ну ладно... иди.

О чем они спрашивали наших девушек – не знаю. Но все в результате прошли.

И вот – первая «заграничная» проверка!.. Их, оказывается, интересует вовсе не наша идейная подготовка, а наши чемоданы. Впрочем, просмотрели всего один: как ни странно – у нашего руководителя... Ничего не отняли – и ушли.

Поезд, заскрипев, потянулся. Мы кинулись к окнам... Совсем другая жизнь, другие дома и поля!

Ночевали мы в маленьком приграничном венгерском городке, на вид скромном... но там мы обрели все, о чем тайно мечтали. И главное – чувство свободы! Все было другое, и главное – другими стали мы, освободилось все прежде зажатое! Так повлияла на нас «первая заграничная». Несмотря на все клятвы, данные райкому, после обеда все тут же исчезли из гостиницы... и вернулись наутро. Оказалось, и ночью тут кое-что работает, не как у нас.

Но самая «вольница» развернулась в Будапеште, поразившем нас своей роскошной и вольной жизнью (хотя «венгерские события» были не так уж давно, и по улицам патрулировали еще наши автоматчики). Но – свобода пьянила! И я, решившись, подошел к Э.

Переглянулись мы с нею еще во Львове, где проходили «окончательный» инструктаж в местном райкоме перед пересечением границы. Многие ворчали: отнимают от поездки два дня! Но мне и во Львове уже нравилось – в городе был безусловный западный колорит, как мы его понимали... а главное – была уже жаркая, сухая весна. Помню, как мы с вновь обретенным другом Лехой, руководителем нашей делегации, утром, еще до завтрака, выскочили из гостиницы на соседний угол – «залить zenки», как он говорил. Явно западный, по нашим понятиям, сервис, большое стеклянное окно – шириной метров пять – и острое утреннее счастье... никогда прежде не пил с утра. Вот она – свобода!

И тут на солнечном углу появились наши девушки... И одна, на которую я запал сразу, как только увидел... Кстати, из Казани, где я родился. Дополнительный аргумент! Они шли мимо стекла, за которым мы сидели, и заметили нас. И вдруг ее взгляд, прямо в душу! Умирать буду – вспомню тот миг!

Следующий кадр: мы заходим с ней в бар, уже в Будапеште, и я вынимаю заначку. Строжайше запрещалось – но все знали, что рубли в Венгрии меняют. За давностью лет скажу: я засунул рулончик сторублевки в пасту. И, как бы по причине крайней своей чистоплотности, постоянно носил ее с собой. И вот, открыв зубную пасту с неожиданного конца, вытащил, прямо при ней, трубочку денег в целлофане. О, как она смеялась – прислонив руку к стене и как бы обессилено уткнувшись в нее головой! Потом – выпрямляется, глаза счастливо блестят. Мы шли с ней по Будапешту, и он был роскошен – особенно по сравнению с нашими тусклыми в те года городами. И вдруг что-то темное, закрывающее сияние, приблизилось к нам... Леха! Мрачный, как ночь!

– Я встречался сейчас с местными комсомольцами... – проговорил он.

– Ну? – уныло откликнулся я.

– Они мне сказали... где здесь стриптиз!

– Так пойдем же! – вскричал я. – Плачу!

Стриптиз меня восхитил! Хотя главная моя страсть была направлена в другую сторону.

– Что вы делаете? – шептал Леха. – Вас же... отправят обратно!

– Ты думаешь? – глянув на него, хрипло проговорила она. И мы опять обнялись!

И Леха с горя напился.

Потом мы подошли с ней к дверям ее номера, в котором жили еще трое ее подруг. Но их в номере не оказалось – свобода увела за собой всех! Вернувшись в свой номер перед рассветом, я чуток поспал и позвонил ей, из номера в номер. Она произнесла приглушенно (видимо, подружки уже вернулись):

– Не сходи с ума!

Но «тормозить» сейчас? Еще «затормозят», и не раз – это я знал... Но здесь, будем считать, мы вырвались на свободу! И «похитим Европу» со всеми ее прелестями! Я распахнул окно. Ворвавшийся ветер побеспокоил моего соседа, он что-то проворчал, натянул одеяло на голову. «Спи, дорогой!» Я вскарабкался на подоконник и шагнул на карниз. Карниз был весьма условный, состоящий в основном из голов разных дриад и наяд, сплетенных прихотливым стилем модерн под моими ногами. Дул сильный ветер, внизу простиралась река. Гибель была близка как никогда. Что вело меня? В основном – отчаяние. Я уже чувствовал, что такая жизнь вряд ли будет возможна после нашего возвращения. Только здесь – и сейчас! Я дотянулся ногой до увитой извилистыми прядями головы следующей русалки – и перенесся туда. Это по коридору казалось близко, а тут все замедлилось. Следующее окно было угловое, огромное, окаймленное цветами и листьями – мой любимый модерн. Прежде я любовался им издали – а вот теперь обнимал. Последним, быть может, объятьем: вряд ли кто до меня тут, снаружи, стоял? Но ведь кто-то же лепил этих русалок, значит, был тут? – так я заговаривал себя. Но лучше не задумываться, и главное – не смотреть вниз, в бездну. Гляди в окно! Увиденное – потрясло: за столом под бронзовым канделябром собралось руко-

водство нашего комсомольского руководства (Леха был среди них) – а весь стол был завален пачками валюты. Выиграли ночью в казино? Или привезли столько? Главный руководитель наш, невысокая, но волевая Вероника Плешкина раздавала пачки, и горка валюты перед каждым росла. Не они ли говорили нам, что валюту не надо провозить, что дружба молодежи всех стран бескорыстна? Конечно, некоторые зачатки мы провезли – но чтобы столько! Видимо, на идеологическую работу. Мне бы тенью проскользнуть – они бы и не заметили. Тем более что следующее окно манило – там ждала она! Но неожиданно даже для себя я толкнул рукой витиеватую форточку и, просунув внутрь руку, закричал:

– Дайте и мне денег! Дайте!

Они застыли в ужасе. Леха в панике кинулся ко мне с пачкой в руке, но волевая Плешкина остановила его. И тут я уже как-то весело сделал шаг по карнизу – и упал в следующее окно, на руки любимой. Неожиданно я оказался весь в царапинах и порезах.

– Тебя отправят! Тебя точно отправят! – с ужасом и восторгом шептала она, уминая меня йодом.

Когда меня спрашивали потом, боролся ли я с тоталитаризмом, я отвечал: «Да!» – подразумевая как раз этот случай.

Впрочем, меня почему-то не отправили (сложновато, наверное, было), но зато Леха теперь неотступно следовал за мной. То и была «идеологическая работа», на которую, видимо, и были выделены пачки денег. На что тратили мы их с Лехой – догадываетесь. Я понимал, что это плата за молчание, и я молчал. Целые пятьдесят лет! И вот говорю лишь сейчас... когда пришло время правды! Ночью Леха, замаявшись со мной, честно спал. Но он был, пожалуй, единственный такой: кто же спит ночью, вырвавшись на свободу? Только один Леха, пожалуй, уже от нее устал.

...Потом я часто бывал в этом городе – переводили рассказы, – и каждый раз я выходил на широкий Дунай, смотрел на высокую гостиницу, на той стороне, на последний этаж, с наядами и дриадами. Неужели это я там стоял? Есть чем гордиться!

За грибами в Лондон

Кончалось лето. Я купался в озере. Уже плыли по воде желтые листья.

– Привет! – вдруг проговорила какая-то голова, выныривая. – Не узнаешь, что ли? Маркелов я!

Оргсекретарь нашего Союза писателей!

– В Англию хотим тебя послать.

– Меня?

Вот это пруха! До этого я был только в Венгрии (начинать полагалось со «стран народной демократии», как там покажешь себя). И вот – в Англию! Видимо, в Венгрии я себя правильно проявил?

– Ну... есть сведения, что ты не теряешься в сложных условиях. А ведь всякое может быть в странах капитала!

– Еще бы!.. Через сколько дней выезжать?

– Послезавтра, брат! Как-то все комом у нас. Другого намечали – но тот подвел. Но не волнуйся – все сделаем!

В тот же вечер, бросив все на даче, я помчался в город, помылся, стал собираться. На полочке три помазка – на разных жизненных изгибах покупал я себе новые помазки – стояли вроде бы безразлично, а сами, ясное дело, ждали: кого же из них я в Англию возьму? Ладно уж, возьму всех трех, думаю, в контрабанде меня не обвинят? Взял еще крем «После бритья», а заодно и «После битья», а заодно и «После питья», а заодно уж и «После житья»... То есть начал сочинять еще дома!

В самолете сразу прилип к иллюминатору. Впервые покидаю родной континент! К сожалению, Европа лежала под облаками, и не верилось, что там, внизу – Германия, потом – Франция, под такими привычными, абсолютно знакомыми на вид облаками... После долгого ровного гуда самолет начало вдруг трясти, мимо летела мгла – самолет снижался над Англией. Все сидели неподвижно, прижавшись спинами к креслам, иногда гулко глотая слюну. Самолет то снижался, то снова заворачивал вверх – по салону проносился тяжкий вздох. Нелегко даются чужие миры! Во время очередного спуска-падения в неожиданном месте (почти что наверху) показалась земля: вспаханное поле, похожее на отпечаток ботинка из двух половинок – каблука и подошвы, у «каблука» – красивый белый дом, высотой с коробок. Потом все понеслось навстречу: блестящая река, кустарник, полосатая вышка... удар – и покатились по Англии!

Потом мы вышли на маленькую треугольную площадь – и меня охватило ощущение сна: все другое! Другая раскраска домов, медленно и беззвучно проезжают черные домики-такси... Люди двигаются иначе! Подали автобус с зеркальными стеклами, отражающими улицы, но прозрачными изнутри. Автобус тронулся. Седая женщина, встретившая нас, что-то говорила в микрофон по-русски, но я еще ничего не понимал – «ватное» ощущение полета продолжалось, тем более что автобус мчался по высокой эстакаде, острые крыши тесно составленных домиков с торчащими плоскими каминными трубами мелькали внизу.

Мы съехали в улицу. Близко, за стеклом, серые плиты тротуара, за решетками – белые ступени, поднимающиеся к дверям. Спокойные прохожие, никак не думающие о том, что мы к ним только что спустились с высоты десяти тысяч метров... Тротуары отодвинулись, начались улицы широкие, пестрые, торговые. Вдруг, осветившись низким вечерним солнцем, мы выехали на простор, все стали поворачиваться, разглядывать украшающую Трафальгар-сквер колонну Нельсона. Свернули в узкую улочку, прочитали табличку... Чаринг-кросс! Как приятно выговаривать английские названия.

Перед отелем вращалась на низкой мачте огромная светящаяся буква «С» – знак фирмы, владеющей сетью отелей «Сентрал отель». В номере я закрыл дверь, сел. Номер был довольно безликий, никакой роскоши. Можно было успокоиться, перевести дух... Но сердце стучало так, что было слышно! Перед отъездом предупредили нас: «В отелях ничем не пользуйтесь, за все сразу же присылают счет!»

И над спинкой кровати был вделан какой-то циферблат с множеством делений. Это сколько же фунтов стерлингов могут насчитать? Не двигаться!.. Однако все же пришлось пойти в ванную – и когда вышел, увидел с ужасом, что стрелка подвинулась на четыре деления! Не надо было, видимо, воду спускать! Я застыл в кресле, боясь глянуть на стрелки... Еще добавилось два деления. Выскочил в коридор, пытаюсь взять себя в руки, походил. И когда возвратился – еще пять! Разорен! Нам всего-то выдали по двадцать фунтов! «Все! Влип! Долговая яма! – обливаясь потом, подумал я. – Единственная достопримечательность, которую я здесь увижу – это Тауэр, тюрьма. Но зато – надолго!»

Зазвонил телефон. Может быть, хоть это у них бесплатно?

– Але, – осторожно произнес я.

– И у тебя циферблат? – голос Маркелова.

– ...Да! – выкрикнул я.

– Это часы.

Господи! Радость-то какая!

Сейчас бы ту остроту восприятия...

Я выглянул в окно: на площадке перед отелем, хохоча, бурно жестикулируя, стояли наши. Я сбежал вниз. Оказалось неожиданно тепло, все в пиджаках, в рубашках. И еще – ощущение не улицы, а квартиры: чисто, сухо, красивая посуда, книги, журналы вынесены из лавочек прямо на тротуар.

Мы свернули в уютную улочку, потом в другую. И так, гуляя, неожиданно пришли в Сохо – и там стали как-то разбредаться. Дальше – поняли все, глядя на вывески – советским людям лучше действовать поодиночке.

С колотящимся сердцем (прямо все время тут колотится!) я спустился в манящий подвал. Интеллигентная старушка в кассе взяла десять фунтов... В полутемном зале, похожем на сельский кинотеатр, хлопали откидывающиеся деревянные сиденья, люди входили и, как это ни странно, выходили, хотя сидеть здесь можно было до бесконечности... Стриптиз «нон-стоп»! Обстановка была самая непринужденная. На освещенной сцене в конце зала маячила девица. Она переговаривалась с сидящими в зале, те что-то ей отвечали, вспыхивал хохот. Иногда, разговорившись, она прекращала раздеваться, смеялась... Потом сняла все! И тут же, брякая кольцами, занавес закрылся. Мимо кресел простучала каблуками следующая... И опять – шуточки, разговорчики, долгие перерывы. Никак это не напоминало обитель порока! Какая-то говорильня одна! За этим ли ехали? Я встал, хлопнув сиденьем, и вышел на улицу... Ну что за народ? Все у них можно!.. И не вызывает уже эмоций. Толпа по улочкам шла трезвая, насмешливая, спокойная... Вот она какая, Европа, в которую мы все так стремились. В эротическом кино – еще пять фунтов! – страсти тоже отнюдь не бурлили – в зале, во всяком случае, точно. Большинство зрителей спали! Нашли место! «Оскорбленный в худших своих чувствах», я вышел. Улица была пустынной, холодный ветер нес обрывки бумаги. Мне стало вдруг неуютно и слегка страшно. На тротуаре время от времени попадались какие-то люди, неподвижно сидящие на черных высоких мешках с мусором. На меня они абсолютно не реагировали. Увидев на повороте такси, я бросился к нему (лондонские такси – черные, старомодные – узнаешь сразу!).

Приехав к отелю, я долго смотрел на счетчик. Нет, к сожалению, это счетчик, а не часы – надо платить! Еще три фунта. Я вошел в отель и, почему-то не пожелав воспользоваться лифтом, мрачно стал подниматься по лестнице. На лестничных площадках тускло светились

какие-то глиняные хари. На моем этаже харя не горела. Тоже мне «сервис»! Я шел по коридору, с усилием отталкивая преграждающие коридор тугие пожарные двери с надписью на них «Пут офф».

Да... Приехал черт знает зачем! Массу денег истратил в Сохо... Плохо! Я отжал тугую дверь и влез в номер. Ночью я проснулся оттого, что стало холодно. Я нащупал в стенке кондиционер, поставил переключатель на «хот» – горячее, постоял в темноте и вдруг почувствовал: «А я ведь в Англии! Стою сейчас прямо в Англии... Счастливчик! Запомни: ты счастливчик!» И я спокойно уснул.

После завтрака мы уютно усьелись в автобус. Национальная галерея – великолепный Тернер! Потом «Тэйт-галери» – прекрасные импрессионисты!

После обеда автобус вынес нас из Лондона. Мелькали широкие зеленые поля с редкими стадами овец, иногда почему-то павлинов... Машин навстречу попадалось очень мало, особенно грузовых. И снова – зеленые травяные поля, пустынное шоссе. «Ш-ш-ш!» – пронесется легковая, и опять тишина. Англичане вообще, как я заметил, отнюдь не выставляют наружу процесс производства, не упиваются им, как это делаем мы, наоборот, скрывают его, и кажется, что существуют лишь зеленые поля – и белые овцы.

Стали подниматься башни. Чистый красивый Оксфорд... Студент в шлепанцах, подомашнему, зашедший в церковь и заигравший вдруг на органе.

Но главное наслаждение, таясь и дрожа, я готовил себе на вечер: пойти по Лондону, самому выбирая маршрут, заворачивая, где я захочу! Не по «общей устремленности» (пропади оно пропадом, Сохо!), а по своей!.. И снова оказался, где все – на главной торговой улице Оксфорд-стрит. В сумерках зажигались названия, зеленые – магазинов «Вулворт», красные – «Маркс и Спенсер». Сплошные магазины:ходишь – обдает теплый сухой ветерок, под ногами пружинит толстый ковер. Фурычит где-то тихая музыка, и повсюду – отличные шмотки! Но на два фунта ничего не подобрал. Пройдя эту бесконечную улицу магазинов, я вошел в паб. Красный ковер под ногами, мягкие диванчики, над стойкой – длинный ряд перевернутых разноцветных бутылок, закрытых крантиками. Посреди ковра лежала чья-то огромная собака, и никто ее почему-то не бил мокрой шваброй, не гнал. Основная идея их жизни, как понял я: не драматизировать.

...Я свернул на широкую аристократическую Парк-лейн: белые дома с мраморными колоннами – вдали от тротуаров, за деревьями. Пустые, сдержанно освещенные магазины. За тротуаром бесшумно двигались в несколько рядов красные огоньки машин, дальше темнел прохладный простор Гайд-парка. Потом я вышел на Пиккадилли-стрит и, как старый лондонский сноб, подумал: «Как вульгарны все же эти торговые улицы!»

...На следующее утро обнаружилась маленькая катастрофа. Я настолько привык к нашему автобусу, настолько он казался мне домашним, уютным, что накануне я оставил там шарф и кепку.

После завтрака на площадке перед гостиницей возник автобус совершенно другой. Но водитель остался прежний, и я долго толковал ему о своей пропаже.

– Я вонг ту сии май кеп!

Я делал рукой кольцо вокруг головы. Хочу, мол, увидеть мою кепку... Но как?! Водитель Кристофер, подтянутый, седой, сразу же улыбнулся, как улыбаются все англичане, когда к ним обращаешься: радостно, поощрительно, словно заранее одобряя то, что ты только собираешься еще сказать. Но меня он не понял. «Мол, кто мешает этому чудаку увидеть свою собственную кепку?» Ладно уж! Пусть остается кепочка им. Говорят, они испытывают экономические трудности... Дарю!

Я вылез из автобуса – который, оказывается, снова нацелился за город – и решил самостоятельно посетить те места, что волнуют любого «англомана»: Челси, мост Ватерлоо. С картой Лондона я пошел к метро. Кроме эскалаторов, в лондонское метро можно спуститься

еще на лифте, и, когда долго спускаешься в тесном темноватом лифте, становится страшно, начинает ощущаться глубина земли, ее тяжесть. Метро английское на наше абсолютно не похоже, а похоже на лабиринт. С одной и той же платформы, но на поездах разного цвета можно уехать по разным линиям. Я долго изучал план, потом вошел наконец в серебристый вагон с поперечными диванчиками. Дверцы со стуком закрылись. Вместе со мной вошли две женщины – мать и дочь. Они тоже изучали план и поняли, что сели не на ту ветку. Они стали хохотать и хохотали до следующей станции. Да, запас оптимизма у них изрядный!

Район, где я вышел, показался обшарпанным – зато я нашел художественный магазин и был ошеломлен: все любимые мои художники едва ли не в подлинниках... во всяком случае, в натуральную величину! Боттичелли! Руссо!.. Еще какой-то художник, которого я до этого видел только во сне. Потом я гулял в Челси; по улицам летали желтые листья. Пестрые китайские, индийские кварталы. Потом я попал на какой-то рынок: на низком, сыром пустыре стояли навесы, люди, похожие на цыган, продавали всякую всячину. За рынком высшался огромный собор, и возле него молодые ребята с красными от холода носами играли на гитарах, пели и раздавали всем листки с распятием. Пока я шел обратно через мост, голова моя окончательно озябла. На Трафальгар-сквер я увидел выворачивающий с Чаринг-кросс наш вчерашний автобус с зеркальными стеклами. Кепочка! Кепа моя! Я бросился наперерез, но автобус поехал по Пэлл-Мэлл и исчез.

Ну ничего! Я вспомнил, что рядом с нашим отелем есть магазинчик, где продаются кепки, рубашки... С хозяином его мы были почти что знакомы. Еще в день приезда я увидел его – он горестно сидел на ступеньках своего заведения, разложив вокруг себя свой товар.

Тогда же я мерил у него приглянувшуюся мне замшевую кепку.

– Фри паундз... три фунта! – сказал я тогда, показывая три пальца.

Он молча сорвал кепочку с моей головы, и выражение его лица ясно говорило: много шляется тут разных приезжих типов, желающих за три фунта иметь кепочку, которая самому ему влетела в четыре! Теперь, когда голова моя зябла, я вспомнил про него. Мне почему-то казалось, что теперь он уступит мне кепочку за три фунта, единственное, что огорчало меня, – что и трех фунтов у меня уже не было... Правда, ставят во всех магазинах – 9,99, потом – 2,99... Заманивают! Но нас не заманишь!.. Денег нет.

Как только я вошел в его лавку, он радостно вскочил.

– Плиз, плиз! – Он показывал рукой внутрь своего магазина.

И тут же натянул мне на голову полюбившуюся мне кепку и, трогательно, но горделиво улыбаясь, произнес:

– Фри паундз!

– ...Ноу, – сказал я, протягивая на ладони мелочь.

Лицо его гневно исказилось, он опять сорвал с моей головы кепочку, бросил на полку. Ссутулившись, я удалился. Через час он отдавал ее мне за два пятьдесят, но беда в том, что и двух пятидесяти у меня уже не было: огорчившись, я дернул пивка и теперь мог разве что подать нищему.

В конце концов он готов был уступить мне кепочку за любую сумму, но у меня и любой суммы не оказалось в наличии. Купив дочери на последние пенсы чуингвам, я шел мимо его лавки. Уронив голову, он, как обычно, сидел на ступеньках. Увидев меня, он поднял голову.

– Сколько денег-то у тебя, морда? – с отчаянием проговорил он (за время нашей борьбы он выучился прекрасно разговаривать по-русски).

Я раскрыл перед ним кулачок. Он посмотрел на ладонь.

– ...Ноу! – тяжело вздохнув, он покачал головой.

В номере я опускал в сумку чуингвам, и вдруг рука моя наткнулась на холодное горло бутылки. Бутылка эта была куплена в гастрономе возле моего дома и предназначалась спе-

циально для контактов. Я вспомнил о продавце кепок и понял, что более близкого человека среди англичан у меня нет. Я положил в карман пиджака поллитру и направился к нему.

Он бросил на меня взгляд, означавший: «Сколько ж ты еще будешь меня мучить?»

Я брякнул о прилавок бутылкой.

– О-о-о! – радостно закричал он, отбросив свою амбарную книгу, в которую до этого был углублен, сбегал в заднее помещение, принес стаканчики, запер магазин (тем более никто к нему особенно не ломился). Мы сидели в его заштатном магазине прямо на товаре и, разгорячившись, расчувствовавшись, говорили – давно я уже не разговаривал ни с кем так откровенно.

– А ты думаешь, у меня... – говорил я.

– А у меня, ты думаешь... – говорил он.

– Ты думаешь, мне легко?

– А мне?..

Давно я никому не жаловался, и вдруг – нашел собеседника, и где! Был самый подходящий момент – подарить кепочку, но гигантским напряжением воли он сдержался.

Вечером нашу группу пригласили в рабочий клуб. Представитель этого клуба, сухонький мистер Джонс, появился у нас за ужином. Его сразу же посадили во главе стола, окружили самыми интересными, как нам казалось, нашими людьми. Мистер Джонс лучился счастьем оттого, что он находится в центре внимания, на острие контакта двух стран, старался держаться молодцом, расправлял плечи.

– ...Мистер Джонс... женат уже четвертый раз... Передайте дальше... четвертый раз.

Мистер Джонс ревниво смотрел, как сенсация эта распространяется среди нас, победно улыбался.

– Мы сейчас поедem в рабочий клуб! – перевели слова мистера Джонса.

– С нами поедет мистер Джонс? – спросил Маркелов.

– У мистера Джонса своя машина!

Машина эта была действительно припаркована у отеля (чем-то напоминала она мне старый ботинок).

В клубе было тесно, уютно. В одном конце зала была сцена, в другом – стойка. Я оказался за крайним столиком, со мной сидели двое англичан. Первый – стеснительный, мучительно краснеющий паренек, видимо, и со своими соотечественниками общающийся туго, – пришел сюда, наверно, в надежде, что с русскими развяжет этот узел, заговорит о главном, свободно и легко.

Второй англичанин настолько походил на моего соседа по лестнице Колю, что я слегка ошалел. На сцене появились двое рабочих – один плотный, с бородой, другой рыжий, в крупных веснушках, – и, играя на аккордеоне и гитаре, начали петь. Зал подхватил дружно – спелись давно! Потом нам несли пиво, мы повиытаскивали наши «стеклянные сувениры» – не зря волокли этот груз! И мы тоже размягчились, развеселились, распелись... Стоило ехать! В первом часу ночи, растроганные, разгоряченные, вперемежку с хозяевами мы выходили на улицу. Мистер Джонс, пошатываясь, пытался залезть в свою машину, друзья его вытаскивали, мистер Джонс шуточно отбивался. Один из его друзей, дурачась, свистел, изображая полицейского.

Утро настало хмурое, наконец-то «типично лондонское». Зевая, все молча рассаживались в автобусе. Молча и хмуро бродили мы по холодному, неуютному Вестминстерскому аббатству. Покрытые белым полированным мрамором могилы знаменитых людей радовали не больше, чем любые другие могилы. Кроме того, наша переводчица Лида, которая в клубе

особенно мне приглянулась, не расставалась с долговязым Славиком из Читы... Не понравилось мне это аббатство!

Потом мы переезжали на автобусе мост – сзади поднимался знаменитый парламент с трепещущим на ветру английским флагом, внизу простиралась серая, широкая, раздуваемая ветром Темза.

После обеда я отправился погулять по городу. Я понимал, что это уже на прощанье. Было грустно, одиноко, и, как ни странно, хотелось немножко поработать. Я вышел на пеструю площадь Пиккадилли. Посреди нее возвышался маленький бронзовый Эрот, но колоний хиппи возле него не оказалось, и вообще ни одного хиппи за все время мне не встретилось.

Потом я брел по какой-то улице, услышал сверху гул и, подняв голову, увидел, как узкий коридор неба между домами переползает самолет абсолютно незнакомой окраски. И тут я особенно остро почувствовал себя – в другом мире! Постой. Запомни... Ведь для этого ты и прибыл сюда.

Вечером я никуда уже не пошел, зачем? Главное схвачено! Сидел в номере, смотрел телевизор. Кроме того, скопилась кое-какая постирушка. Разгоряченный, довольный проделанной работой, я развешивал в ванной свои вещи, и тут послышался тихий стук.

Кому это я мог здесь понадобится?

– ...Йез!

Дверь медленно растворилась, вошел Маркелов.

– Грустно стало одному в номере сидеть. Давай, что ли, сходим куда-нибудь?

– Да надоело пешком ходить. Да и денег не осталось ни пенса.

– Деньги есть... Ни копейки еще не потратил!

– Ты – лучший! – искренне сказал я ему.

На Стрэнде мы посмотрели витрины лондонских театров, сунулись даже внутрь... «Не по деньгам!» Потом оказались на улице прессы Флит-стрит. Маркелов (опытный наш «ездок») каким-то узеньким переулочком провел меня в знаменитый журналистский паб «Олд чешир чииз» («Старый чеширский сыр»). Паб расположен в здании семнадцатого века, наверх поднимается узкая деревянная лесенка, сам пабчик корявый и маленький, на деревянном полу опилки для сбора грязи с подошв. Но чем паб проще и корявее (а значит, старше), тем он в Лондоне котируется выше! – пояснил Маркелов... Не зря он должность занимал! Разбирался. Этот «пабчик» оказался самый знатный. В маленькой комнатке с узкими деревянными скамейками по бокам и собираются ведущие лондонские журналисты: обмениваются идеями, разрешают споры, заключают пари. Причем расплата порой бывает довольно неожиданной: седой почтенный джентльмен, выслушав обстоятельно другого, кивнул, положил на стойку трубку, взялся за брюки и быстро, но спокойно показал присутствующим свой зад. Вот так чопорные англичане! Гул, хохот, крики нарастали. Мы с Маркеловым выпили по жестянке пива и спустились в переулок...

– Не нравится мне здесь, – проговорил Маркелов.

– Почему?

– Потому! Например, полно повсюду грибов, белых, красных – не собирают! В Гайд-парке! В Кенсингтон-гарденсе! Не берут! Гордые, что ли?.. Не по-нашему это!

– Зато по-ихнему, – сказал я.

Мы сделали из газеты лукошко. Расшвыривая палками листья, долго шастали в Сохо-сквере.

– Подберезовик! – закричал вдруг Маркелов. – ...Ну подивились, и ладно.

Утро нашего отъезда выдалось тихим и солнечным. Мы собрались у автобуса. Огромные окна дома напротив обычно были зашторены атласными сборчатыми занавесками, а тут, подняв глаза, я увидел, что одна из занавесок отогнута и у края огромного окна стоит

молодая красивая женщина в длинной рубашке. Она встретила мой взгляд, улыбнулась и опустила занавеску. Может, это и была сама Англия? По случаю отъезда настроение было сентиментальным... Мы сели в автобус, чтобы ехать на аэродром Хитроу. Сидя в глубоком кресле, я читал на прощанье английские газеты... Да-а! Подарил англичанам самое ценное, что имел, – свою кепочку, а фунт все равно продолжает падать... Жаль!

Автобус тронулся. Последний раз мелькнули ларьки с пестрыми журналами, седые розоволицы джентльмены...

Гуд бай!

Крылья любви

Постепенно я осознал: лучшее в заграничных путешествиях – наши люди, осуществляющие в этих поездках свои мечты, порой неожиданные. Показывали себя!

Помню, как на площади Революции в Москве, рядом с могучим памятником Марксу, заметенным по пояс снегом, собирались в автобус туристы из разных городов, чтобы лететь через Москву в Италию. Молча и мрачно влезали они в салон, пробившись сквозь февральскую вьюгу, и сидели скукожившись. С кем я лечу? Что за чучела? Потом я понял, что то же самое они думали про меня. А кто мы, как не чучела? Как живем?! Группа из Казани так и не прибыла – у них пурга, и все (кроме меня) стали кричать: хватит ждать, так мы все опоздаем! Вот она, «дружба»! Почему я молчал? Да так... В казанской группе была одна: пересекались в маршрутах. Автобус рванул в аэропорт. И я, что интересно, не вышел...

Вариант, конечно, не лучший – оказаться в Венеции в феврале. Нас привезли из аэропорта на пристань, мы втиснулись вместе с другими пассажирами в речной трамвайчик с красивым итальянским названием вьяпоретто – и поплыли. Долго шла какая-то промзона – ржавые доки, стены заводов: такого мы насмотрелись и у нас.

О! Вот, наконец, и дворцы. Но восторга не было. Конечно, Венеция всегда Венеция. Но и февраль всегда февраль! Низкие тучи, порывистый ветер, выбивающий слезы. Вдобавок ко всей этой пакости – то были еще советские годы, и казалось, что навязчивый советский сервис дотянулся и сюда. Больше всего тревожила судьба чемоданов: их укатали куда-то вдаль и где-то там, видимо, погрузили на что-то. Свое «счастье» я уже знал: если хоть один чемодан затеряется, то это будет именно мой. Вслух, конечно, я этого не говорил: в советской тургруппе нельзя выделяться, особенно в худшую сторону. Разместившись в отеле (комнатки – гробики), все спустились к завтраку.

– Представляете, мой чемодан только что принесли – не успел даже побриться! – жаловался один.

– А в моем вообще водку разбили – чувствуешь, пахнет все? – говорил другой.

А моего так вообще не привезли! Вышел к обеду в зимних ботах и свитере... но – молчу!

Потом была экскурсия – шли тесной толпой по узкой улочке вдоль каналов, шириной и красотой значительно уступающих Обводному. Окончательно потемнело, и пошел мокрый снег. Наш гид, видимо из эмигрантов, язвительно прокомментировал:

– Специально для вас!

И мы снова оказались в нашем отельчике. Да, россиянину никуда не деться от своей тяжелой судьбы! Открыл номер... а чемодана все нет! Надо спускаться к ужину – а во что переодеться? И жаловаться нельзя – больше не выпустят. Как говорили опытные ездоки за рубеж: «Ты украл чемодан, или у тебя украли чемодан – без разницы. Все одно – компромат!»

Спускаться и не хочется. Публика, конечно, отборная. Первое дело, конечно, «вождь». Совмещающий, ясное дело, свои официальные обязанности с тайными, которые ни для кого и не тайна: такой обязательно должен быть. Он-то и донесет кому надо, до чего ты дошел: «спяну потерял чемодан»... или что-то еще похлеще.

«А этот, второй – тоже... жлоб! – вспоминал я злорадно. – Надо же – в Венецию водку волок! Надеюсь, разбили ему всю?» (Тут я скажу, забегаю вперед, был не прав...) А эта парочка: двое тряпичников – он и она. Они уже впопыхах что-то купили: и вот теперь в их оконце как раз против моего они оживленно жестикулировали, потом вдруг погас свет... Не подумайте чего плохого – тут же появился огонек спички. «А, – понял я. – Поджигают выдернутую из купленной вещи ниточку, проверяют, чистая ли куплена шерсть?»

К ужину супруги вышли озлобленные, друг на друга не глядя – совсем, видимо, оказалась не шерсть! А я так спустился и вовсе злой и с ходу сообщил вождю:

– Чемодан украли!

Тот позеленел.

– Вечно что-то происходит с тобой!

Происходит. Причем с раннего детства. Откуда, интересно, он это узнал?

После весьма скудного ужина (где знаменитые итальянские вина?!) мы вместе со «жлобом», у которого разбили в чемодане водку (а значит, и жизнь), вошли в лифт. Ехали молча и молча вышли. Но у своей двери он сделал чуть заметное движение – зайдём?.. К счастью, не вся его водка разбилась.

– Вот, не в чем и выйти! – жаловался я.

– Да чего тут смотреть? – горевал и он. – Хуже Обводного!..

Послышался стук. Спрятали стеклотару. Вошел «тряпичник». С испугом глянул на меня.

– Свой, – сухо обронил хозяин.

Спасибо! Даже слезы вдруг потекли. Снова сверкнули стаканы.

– Задолбала меня! Подай ей чистую шерсть! – простонал «тряпичник».

– Да откуда тут шерсть?! – усмехнулся владелец разбитой (к счастью, не до конца) водки...

Без стука вошел «вождь». Настороженно глянул на меня.

– Свой, – произнес хозяин.

До чего же приятно это – быть хоть где-то своим!

– А чего ты в свитере, не переоделся? – поинтересовался «тряпичник».

– Да я и не мылся!

– Чемодан у него украли! – показал свою осведомленность «вождь» и добавил вдруг: – Не бойсь! Пробьемся!

Выпили еще. К себе я летел как на крыльях. Оказывается, и в феврале можно жить, и даже в Венеции! Главное – какие люди у нас!

Раздался стук в дверь. Сердце радостно прыгнуло. Она?!

Я распахнул дверь... Стоял «тряпичник», держа перед собой отличную рубашку на вешалке.

– На! Носи!

– Спасибо тебе!

За ужином он радостно шепнул мне:

– Жена вырубилась! Есть тут одно местечко... Пойдем?

– Ммда!

– Сейчас... за плащом только! – шепнул он. И вышел. И вдруг вернулся.

– Там наша группа приехала, из Казани! В лифт не пробиться. Одна там... м-да!

Я не кинулся к ней. По законам советской конспирации сидел в номере... и вдруг зазвонил телефон! И ее голос!

– Простите... у меня не работает кондишн! Вы не могли бы зайти в номер четыреста семь?

– Могу!

Надел подаренную рубашку. Пошел! Вернувшись в номер, я сладко заснул. Сон был счастливый: лето! Правда, я слышал скрип дверей, голоса... Воры? За чемоданом? А его и нет! Засмеялся во сне.

Утром открыл глаза – чемодан стоял! Помылся, переоделся, сбежал вниз. Стоял веселый гвалт. Сияла Венеция. Я посмотрел на наших, гомонящих за столом – какие красивые, элегантные, раскованные женщины! Мимолетные, манящие взгляды! Да и мужики тоже

неплохи – игра мышц, твердый рисунок губ, общая уверенность! Где те чучела?.. Видимо, то была маскировка, чтобы выпустили за рубеж!

Вдруг все повернулись к двери... появилась она!

Потом мы с ней сидели, обнявшись, на ступеньках причала у Гранд-Канале, подстелив свитера, оставшись в рубашках... Как пригрело вдруг!

Постепенно все мы крепко сдружились. Где еще и дружить нашим людям из разных городов, как не в Венеции? Тут особенно видно, как мы близки!

– Ну вы счастливички! – сказал подвыпивший вождь (впрочем, из этого состояния и не выходивший).

Он «раскусил» нас, но не до конца, думая, что у нас «мимолетный роман», как это часто случалось тогда в таких поездках: супругов не выпускали «сразу двоих».

– Сколько же вы валюты сэкономили друг на друге, пока мы все шлялись тут, деньги тратили?

– Что значит – друг на друге? Выбирайте выражения! – дерзко усмехнулась она. Была бесстрашна!

Наши новые друзья добродушно рассмеялись. Все одобряли нас – или завидовали. Пусть будет счастье... хотя бы иногда. А что там дальше – хоть трава не расти!

Конечно, «заграничная любовь» давалась дорого. Не поднять!.. Во всяком случае так часто, как хотелось бы. Поэтому больше мы с ней встречались в Москве, посередине между нашими городами, у «сочувствующих» друзей по иностранным поездкам... как-то за рубежом все оказывались душевнее. Однажды она ехала из своего города на машине всю ночь. Формальное объяснение – за продуктами, тогда действительно были с этим проблемы. Но чтобы с риском для жизни? Был дикий гололед, дорога была абсолютно пустой – никто не рисковал так – только она... Где-то посреди ночи остановил ее изумленный гаишник:

– Куда спешим?

– К любимому человеку!

– Ну... удачи вам!

Я спал у друга на раскладушке на кухне, держа руку на телефоне, и на рассвете он зазвонил.

Потом она сидела на кухне, с синевой под глазами, и зубы стучали о кружку с чаем.

Днем она ходила за мясом, которого как бы и не было нигде.

– Я от Гурама Исааковича! – говорила она наобум, смело спускаясь в подвальный с кровавыми тушами, ошеломляя окровавленных мясников своей азиатской красотой, а также магическим Гурамом Исааковичем, соединившим в себе кровь двух самых авторитетных в торговле рас. И стучали топоры, и мы с трудом поднимались с ней наверх, отягощенные сочащимися кусками коровьей туши, предназначенными, увы, не мне, а ее семейству.

Но менялись времена – и проблем с мясом не стало! Просто стало некуда силы девать... И ей с ее энергией стало тесно в СССР, которого к тому же не стало. Она оказалась в Германии... И опять спасти нас мог только туризм! Встречались и расставались во Франкфурте-на-Майне, «стыковочном» аэропорту.

У нас даже, как у стойкой пары, появились скидки и бонусы и свои приметы. Мы всегда просили на регистрации:

– Ниэ виндоу (возле окна)!

И получали свое! Двигаясь в проходе самолета, азартно искали ряд.

– Ага! – восклицали почти торжествующе.

С удовольствием усаживались.

– Это называется «Ниэ виндоу»! Опять над крылом, не видно ни черта!

И это получалось почти всякий раз – и стало почти уже нашим амулетом, хорошей приметой – значит, все будет как всегда.

– Ведь нельзя же требовать при регистрации «Визаут вингез» (то есть «без крыльев»)...

Мы смеялись. Уютно усаживались, смотрели на наше крыло. Самолет разбежался... Летим! Блаженно откидывались на креслах. Не зря говорят, что любовь имеет крылья, а у нашей любви – крылья были стальные! Дальше может идти реклама: «Летайте самолетами»... Так жизнь и пролетела, «не мимо», но прошла. Слава богу, не потеряли голову и кое-что сделали и на земле.

Последнее романтическое путешествие

...И вот – последняя муза, как я думаю. Мы только накрыли в номере столик, чтобы встретить Новый год, как заверещал ее ноутбук.

– Петя по скайпу! – закричала она. – В ванную, быстро!

И запихнула меня туда!

– Блокнот хоть дай! На тумбочке лежит! – прохрипел я.

Не ожидал! Хоть часы на руке: глянул – две минуты до наступления Нового года! Ничего себе, докатился! Новый год – в ванной, мягко говоря! Успел налить из крана холодной воды – не горячей же! – и чокнуться со своим отражением в зеркале. Чтой-то вдруг забрезжило... Налил до краев и хлопнул второй стакан, и тут уж сообразил: «Ведь я не только в этом замкнутом помещении – я еще в Будапеште, где почти полвека назад встретился с первой музой – и помню, тогда...» Хлопнул третий стакан (почему-то горячей, но это неважно) – и стал вспоминать «Заметили друг друга еще во Львове»... Быстро писал. Сколько времени в этой ванной прошло? Понятия не имею! Писал. Дверь вдруг заскрипела.

– ...Чего? – с трудом оторвался.

– ...Ты выходить вообще собираешься, нет?

– Сейчас... полчасика! – забормотал я.

– Ну ладно! Пиши! – грозно проговорила она и хлопнула дверью.

Через границы

Иностраннный крем «После бритья» кончается как-то сразу. Наш долго еще хлюпает, пузырится и выдает после долгого выжимания какие-то сопли. А этот отпустит еще одну довольно сочную уверенную колбаску, и все – больше ни миллиграмма, сколько ни проси!.. Ну что ж, тут все по-другому... и главное – другие запахи. Вот, например, этот, в зелененьком флакончике... Я отлил, кинул на щеки, завинтил... И вышел из ванной.

Гага, со слегка опухшими после сна, полуоткрытыми губками, с красноватыми вытаращенными глазками, стоял в дверях кухни, сдирая жестяную нашлепку с баночки пива. Я впервые в эту нашу встречу разглядел его, так сказать, без бутафории – он был такой же тоненький, в такой же белой футболочке и шортиках, как в пионерском лагере, где мы познакомились почти четверть века назад. Но тут был не лагерь – за окном был совершенно другой пейзаж: соседний дом уходил вдаль и ввысь широкими террасами, заросшими кустами, деревьями, гирляндами цветов.

– Так... – поводя тоненьким синеватым носиком, проговорил Гага. – Мазался, падла, моей «Кельнской водой»?

– А ты что, предпочел бы запах родного «Тройного»? – поинтересовался я.

Улыбаясь, мы смотрели друг на друга. Вдруг он быстро приложил палец к губам. Из спальни вышла Рената в махровом халате и, сдержанно поклонившись мне, не глядя на Гагулю, прошла в ванную.

...Дело в том, что мы вчера с Гагой (он же Игорь) по случаю нашей встречи слегка «нарушили спортивный режим» – не только здешний, немецкий, но и наш, среднерусский. Началось все довольно культурно: они встретили меня в аэропорту, с ходу радостно сообщив, что в самолете моем обнаружена бомба, которую, однако, удалось обезвредить... Ничего себе начало! Мы с Ренатушкой тут же слегка отметили это радостное событие в стеклянном баре (Гага был за рулем), потом мы вышли на автостоянку – на жару, яркий свет, в заграничную пахучую пестроту.

Потом мы приехали в их скромненькую квартирку, разделись до трусов (кроме, разумеется, Ренатушки) и сели на террасе, расположенной над ухоженным садиком. Присутствие мое среди друзей, с которыми я без отрыва жил десять лет (с того года, как Ренатушка приехала на стажировку в наш университет), делало все вокруг каким-то понятным, знакомым, незаграничным... словно мы чудом прорвались в какой-то привилегированный, закрытого типа пансионат где-нибудь в Ялте или Зеленогорске и теперь наслаждаемся привилегиями: чистотой, ухоженностью, подстриженными кустами, солнцем и тишиной, копченой ветчиной и баночным пивом. Из своего скромного опыта зарубежных поездок я знал, что странное чувство иной жизни приходит не сразу и, как правило, внезапно, от какого-нибудь пустяка, привычно-незаметного для здешних и абсолютно убойного для тебя. Пока же прежнее мое, предотъездное, возбужденное состояние растягивалось, как резина, и сюда... Я радостно приглядывался, внюхивался, стараясь прорвать пелену, почувствовать, что я прилетел.

Потом, где-то на двенадцатой баночке пива к Гагуле пришла роскошная идея: немедленно показать мне тайландский ресторан, расположенный прямо вот тут, в этом здании напротив, поднимающемся террасами.

– Пойдем, Ренатушка? – вскакивая, произнес он.

Ренатушка, поджав губы, молчала.

– Но, Игор, – своим слегка гортанным голосом заговорила она. – Тебе же завтра целый день сидеть за рулем!

Я все понял.

– Да зачем? Неохота! Отлично же сидим! – миролюбиво сказал я.

Но Игорек уже завелся – уже вполне по-нашему, почти как в те черные дни, когда Рената, закончив стажировку, жила уже здесь, а его не отпускали даже на конференции, где бы он мог хотя бы встретиться с собственной женой. Но такие издевательства были тогда в порядке вещей – сейчас вроде нормально, но напряженка в душе осталась...

– Рената! – трясся перед своим изможденным детским личиком растопыренными пальчиками, завопил Игорек. – Ты что, со своей обычной тупостью не понимаешь, что к нам наконец приехал наш любимый друг?

– Я не меньше тебя люплю Валеру, – волнуясь и слегка обнаруживая акцент, проговорила Рената. – И потому не хочу, чтобы из-за твоих трошаших рук он савтра погип! Вам ехать через всю Германию завтра!

– Ты знаешь, что я прекрасно вожу машину – в любом, кстати, состоянии! И все дорожные происшествия, которые с нами случались, происходили исключительно по твоей вине, из-за твоих идиотских советов, которые ты любишь давать под руку!

Игорек весь дрожал. Чувствовалось, что это давняя заноза в его сознании: полностью или не полностью владеет он сравнительно новой для него здешней жизнью – в частности, вожделением машины.

– Но ты же знаешь, Игор, – мудро сдаваясь, проговорила она, – что я не могу с вами пойти сейчас в ресторан, я непременно – непременно, да? – должна готовиться к завтрашней лекции!

– Все! Понял! Мы пошли. И, кстати – на все время пребывания моего друга здесь – я не Игор, как ты меня зовешь, а Гага – как называют меня мои друзья!

– Я уже вижу это! – сказала Рената, грустно улыбнувшись.

Игорек весело чмокнул ее в бледно-розовую щечку и убежал в комнату переодеваться. Мне вроде бы переодеваться было не надо – достаточно одеться – я и так был в лучшем... Игорек скоро появился в белых шортиках и футболочке, с черной кожаной сумочкой через плечо.

– Игор! – кротко проговорила Рената, кивая на сумку. – Зачем ты берешь все деньги? Я тоже очень рада приезду Валеры, но зачем ты берешь их все – ты же опять потеряешь сумку! Возьми сколько угодно – но все остальные лучше оставить!

Но в Гаге уже играло его казачье упрямство.

– Ты прекрасно знаешь, что сумку я в прошлый раз потерял по твоей вине, причем в Испании, а тут – два шага от дома!

Рената кротко вздохнула.

– Не беспокойся, Ренатушка, все будет в порядке! – солидно проговорил я.

– Но ты, надеюсь, придешь к нам? – слегка обиженно-отстраненно проговорил Гага.

– Хорошо. Если закончу работу – приду! – сказала она.

С чувством божественной легкости (при всей нашей любви к Ренатушке с другом лучше наедине) мы сбежали по скромной мраморной лестнице и вышли на улицу. В жарком слепящем свете я попытался оглядеться... в сущности – это были новостройки, мюнхенское Купчино, серые бетонные дома... на ближайшей стене, правда, был нарисован идиллический сельский пейзаж с рекламой пива «Паулянер». Мы быстро прошли через жару и слепящий свет и вошли в кондиционированные катакомбы под огромным террасовым домом – тут, увы, сходство с нашим Купчино кончалось – яркий подземный зал тут и там ответвлялся уютными тупичками: итальянский ресторан с приятно щиплющей нервы игрой мандолины... зеркально-роскошный салон модного парикмахера, крохотные пестрые магазинчики... Потом вдруг показались восточные миниатюрные пагоды, бронзовые страшные птицы, золотистые, в мудреных иероглифах, решетки... наш тайландский ресторан!.. Мы сели в плетеные кресла, вольготно расслабились, огляделись – откуда-то из таинственного полумрака чуть слышно доносилась восточная музыка. Гага, вскочив, пошел помыть руки

(я, не желая нарушать блаженного оцепенения, отказался). Вернулся он свежий, умытый, оживленный.

– Володьке позвонил – сейчас подгребет! – радостно сообщил он.

– Какой это Володька? – Я наморщил лоб.

– Ну... мой здешний приятель, художник, – ответил Игорек. – Сейчас я угощу тебя потрясающим напитком, который есть только тут... сейчас. – Он нетерпеливо огляделся.

Подошел, кротко улыбаясь, грациозно-хрупкий официант-таиландец в белой бобочке.

Гага, поглядывая в богатое – метр на метр – меню, долго разговаривал с ним по-немецки. Таиландец очень тихо что-то отвечал и в ответ почти на каждую фразу робко кланялся. Наконец, еще раз поклонившись, он отошел.

– Отлично! – хлопнув ладонью по меню, радостно сверкая глазами, воскликнул Гага. – Гляди... – Он повел пальцем по реестру. – Против некоторых блюд стоят восклицательные знаки, а вот – целых два. Это значит, что блюдо слишком экзотическое... с непривычки можно слегка ошалеть.

– Надеюсь, мы не заказали ничего такого? – поинтересовался я.

– Нет, нет... пока нет! Ничего такого, о чем бы ты раньше не знал... или, во всяком случае, не слышал бы! – усмехнулся он.

– А напиток? Что за напиток мы будем пить? – уже почти капризно осведомился я.

– Сейчас... попробуй угадать! – оживленно потирая руки, проговорил Гага.

Тут, кланяясь, вышли из сумрака сразу три таиландца, поставили фарфоровую горелку с тихим, чуть вздрагивающим пламенем над ней, много баночек, видимо, с разными соусами, потом бадью с торчащими из нее палочками. Я схватил одну из палочек, поднял ее – с нее, как тонкий полупрозрачный флажок, свисал ломтик мяса.

– Ну тут разные экзотические виды мяса... ну там, лань, гималайский медведь, ягнятина... все! – Он нетерпеливо махнул рукой. – Осторожно подогреваешь на пламени, потом в какой-нибудь соус – и ешь!

– В сыром виде?

– Конечно! – Гага небрежно пожал плечом.

– Изобрази!

Он изобразил. Я последовал его примеру. Жжет!

– С-с-с! Отлично! – просасывая через рот охлаждающий воздух, проговорил я.

Потом таиландец поставил на стол графинчик с золотыми птицами. Мы торопливо налили по рюмке и выпили: я выпил зажмурясь, сосредоточившись, дегустируя.

– Ну? – спросил Гага.

– Грушевка! – воскликнул я.

Точно такой грушевый самогон я пил две недели назад на Кубани.

– Да, точно... грушевая водка! – несколько шокированный моей осведомленностью, признался Гага.

– Но отличная штука... какой аромат! – Я зажмурился. – Ну и, ясное дело, качество значительно выше, чем у нас!

Так уж и быть, порадуя друга! Удовлетворенный высокой оценкой таиландской грушевки, Гага налил по второй. Потом появился Володя – плотный, слегка прихрамывающий, с черными усиками. Приподнявшись, я тряхнул ему руку. Лицо его показалось мне знакомо... но, наверное, в основном теми неуловимыми отличиями, которыми отмечается лицо всякого нашего соотечественника, оказавшегося на чужбине.

Наш разговор с Гагой к тому времени уже кипел, продвигался вперед странными рывками, характерными, впрочем, для нашего общения и на родине.

– Давай... Баптисты!.. Какая рифма?!

– Баб тискать!

– Точно! – Мы радостно хохотали.

– Давно не виделись-то? – поинтересовался Володя.

– Четыре года! – сказал Гага. – Думали – все! И тут – на тебе! Перестройка! И этот тип тут как тут! Приехал меня спаивать!

– Ну давай... чтобы еще не видеться лет пять! – предложил я, и мы радостно чокнулись.

– Как приятно наконец наблюдать родную ахинею! – сказал Володя.

– Да, тут мы – абсолютные чемпионы! – сообщил Гага.

И действительно, ахинея удалась! После тайландского ресторана, где Гага безуспешно пытался склеить тайландку с маленькой балалаечкой, мы оказались в итальянском ресторане, потом – в испанском, где поели паэлы и где я поимел от Гаги скандал за неправильное пользование зубочисткой и где потом – под ритмичные хлопки Вовы – мы исполняли огненный танец фламенко. Потом, уже без Володи, были в каком-то изысканном пристанище местной богемы, оформленном каким-то моднейшим дизайнером в виде заброшенного цеха: неструганые скамейки, мятые вентиляционные трубы из светлого кровельного железа, оборванные завсегдатаи, одетые почему-то почти по-зимнему. Наконец мы были в состоянии полного счастья, полностью духовно слились... Ритмично рубя ладошками и радостно опережая друг друга: «Я знаю лучше!» – выкрикивали наше общее юношеское ненормативное (назовем это так) стихотворение... Все теперь у нас было разное, лишь хрупкие воспоминания юности объединяли нас: эти дурацкие наши стихи знали на всей планете лишь мы вдвоем:

Пока не стар,
Идешь ты в бар,
Подобно человеку,
И смотришь на живой товар
По выбитому чеку.

Но ждет тебя здесь не любовь
(Иронию прости нам!):
Тут бьют тебя и в глаз, и в бровь
Мингрелец с осетином.

И вот, сдержав протяжный стон,
Не жив, но и не помер,
Ты ищешь в будке телефон
И набираешь номер!

К тебе на помощь мчится друг,
Уже втолкнувший в тачку
Почти без скручивания рук
Безумную горячку.

И если не напьешься в пласт
И будет все в порядке —
Она тебе, возможно, даст
Свои погладить прядки.

И, лежа на ее груди
И локоном играя,

Ты Музе скажешь вдруг: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

Закончив чтение одновременно, мы с Гагой глянули друг на друга и радостно захохотали.

По случаю весьма позднего нашего появления Ренатушка встретила нас в прихожей бледная, скорбно прижав руки к груди... И, естественно, поутру довольно чопорно с нами обращалась – сухо кивнула и прошла в ванную. Гага, повернув голову, посмотрел ей вслед. Судя по добродушно оттопыренной нижней губе и блеску глаз, он был доволен, что гулянье, редкое в его теперешней жизни, блистательно удалось.

Ренатушка вышла из ванной уже причесанная, свежая, подтянутая, как и положено молодой немке.

– Я все понимаю, Игор, – заговорила она. – Но скажи мне, зачем ты взял сумку с получкой – ведь ты же знал, что напьешься и потеряешь ее!

«Ну, во-первых, там была уже не вся получка...» – подумал я.

– Но ты же прекрасно знаешь, Рената, – слегка передразнивая занудливость ее тона, произнес Гага, – что сумку вернут: сколько раз я напивался и терял ее – и каждый раз приносили!

– Но зачем тебе нужно столько раз напрягать нашу социальную систему, вновь и вновь проверять ее честность! – взволнованно проговорила она.

– Но мне кажется, это ей приятно! – вступил я.

Гага мне подмигнул.

– Ну что ты, Валера, тепер хочешь на завтрак? – уже весело и дружелюбно (вот жена!) обратилась ко мне Рената.

– Думаю – корочку хлеба за такое поведение! – скромно сказал я.

– Дай ему корочку хлеба... и йогурт... и сыр... и кофе сварь! – уже вполне сварливоскомандовал хозяин. – В дорогу нам положи только питье: этому – пиво, мне – швецп! Жратвы не клади – купим что-нибудь по дороге.

Приступ крестьянской скупости, усугубленный похмельем! – так это сформулировал я. Мы спустились по лестнице в прохладный и сумрачный гараж под домом и подошли к машине... Гага сосредоточенно молчал – чувствовалось, что предстояло путешествие достаточно серьезное.

Мы поцеловали в разные щеки Ренатушку, положили сумки на заднее сиденье, сели сами на передние.

– Пристегни, Валера, ремешок! – Рената, протянув руку, подняла с сиденья ремень страховки.

Я пристегнулся, утопил кнопчку возле стекла, блокирующую дверь, – так на моей памяти поступали все серьезные автомобилисты, – поерзал, поудобней устраиваясь.

– Ну, спокойно, Рената! – Игорек поднял руку. – Вечером позвоню!

– С богом! – проговорила Рената взволнованно.

По наклонному бетону мы подъехали к воротам, Гага нажал пальцем кнопку радиопульта, зажатого в руке, и ворота разъехались.

– Кстати... – Он достал темные очки, набросил на нос. – Кнопчку блокировочную вытащи! – тщательно выруливая по дорожкам, отрывисто произнес он.

– Пач-чему?!

– Я, кажется, сказал! – сварливо произнес он.

Дикие химические реакции бушевали в нем. Сужу по себе. Иностранное похмелье непредсказуемей нашего!

– Но у нас все втыкают кнопочки. – Я взбунтовался. – Чтобы дверь не открылась на ходу!

– Но в Европе, – он слегка издевательски глянул на меня, – давно уже ее... никто не втыкает!

– Пач-чему?!

– При катастрофе... очень трудно... вытаскивать... э-э-э... тела, – сосредоточенно вырубивая на дорогу, ответил он.

Пока что мы ехали по знакомой дороге к аэропорту.

– В аэропорт? – поинтересовался я.

Гага сосредоточенно кивнул.

– Уже... катапультировать меня собираешься, из Германии? – вскользь поинтересовался я.

– А что? – беззаботно откликнулся Гага. – Выпили – и хорош!

Настроение улучшалось – особенно у меня: предстояло проехать по Германии, промчаться через пространства, в которых я не был никогда!

Уже Мюнхен удивлял! Как-то не производил впечатления цельного города. Километровая пешеходная зона от вокзала до ратушной площади, где мы бушевали вчера... а вокруг – какие-то поля, рощи, потом вдруг, ни с того ни с сего – скопление огромных домов-параллелепипедов, снова луга и опять старый город, но – отдельно от центра.

– Да, самое трудное – выбраться отсюда, – словно прочитав мои мысли, проговорил Гага. – Город вроде бы кончился – и опять!

Совсем уже шли места дикие, и вдруг снова стеклянные гиганты с надписями: «Банк», «Отель», на самом высоком параллелепипеде стояли белые буквы «Арабелла».

– Арабелла-парк, – кивнул Гага, – один из самых дорогих районов...

– Надо ж, куда их занесло! – посочувствовал я богачам.

Потом ехали через какой-то совсем азиатский район, по красивой старинной площади шли толпы в экзотических одеждах.

– Вон видишь... турки! Очень много турок у нас! – озабоченно произнес Гага. – А сейчас будет вообще самый аристократический дорогой район, но там, наоборот, все тихо, скромно, чтобы толпы не привлекать. И, кроме того, как раз над этим районом самолеты взлетают и садятся... на дикие лишения приходится аристократам идти, чтобы хоть как-то отделиться от всех! – Гага усмехнулся. – Вообще надо отметить, – уже лекционным тоном, словно перед своими студентами, заговорил он, – престижность района на Западе вовсе не связана с близостью к центру, можно проехать через совсем завальный район, и снова – блеск!

Да, непросто тут у них.

Ну вот, вроде бы вырвались. Высокий мост над бесконечным разливом рельс, два стеклянных гиганта по обеим сторонам моста, с мерседесовскими эмблемами – тонкими серебристыми колесиками – наверху... Белели Альпы на горизонте, как скомканная и брошенная бумага.

Машинная свора, увидев зеленый на светофоре, резко рванула.

– Ну вот... а сейчас начинается! Автобан! – азартно произнес Гага.

Машины почти бесшумно, но стремительно неслись в шесть рядов – три ряда с нами, три навстречу. Расстояние как-то не замечалось: ровный асфальт без разрывов, однообразная ограда – но скорость была за сто. Пошел дождь. Соседи слева, оставляя за собой завихрения воды, уносились вперед. Зато мы так же лихо обходили соседей справа – самых медленных в гонке. Мы вырвались из дождя на сухое – обогнали тучу. Пошли ровные, чуть холмистые, подстриженные желтые поля и красноватые склоны виноградников. Изредка на каком-нибудь идиллическом холмике мелькал белый домик под черепичной крышей... Один! Одна

семья управляется с гигантским пространством, сажает и собирает! Тихо протарахтел крохотный трактор на длинном склоне – один в поле.

На вершине холма темнеет лес с четкой закругленной границей, словно лес подстригли под полубокс. Порядок и чистота, никакого сора и хлама, и нигде не видно людей – словно все поддерживается само собой.

Вот мы влетели в аккуратненький городок – чистенький костел, высокий, весь из зеркального стекла универмаг, ресторанчик под тентом...

– Стоп! – хриплю я. – Дай хоть дыхнуть, воды заглотнуть!

– Не останавливаемся! – азартно произносит Гага и, стремительно вильнув рулем, выскакивает на одну из дорог на сложной шестиперстой развилке. – Ф-фу! Чуть не проскочил! – Он вытирает пот, и тут же с легким, но мощным дыханием нас нагоняет новая стая – держаться, держаться с ними, а если не выдержишь, надо, предупредительно помахав поднятой рукой, сойти на правую, более медленную полосу. Но Гага держится, закусив губу, со своим скромненьким «Опель Пассатом» среди «Мерседесов», «Фордов» и «Ягуаров».

– Сумасшедшие, тут все сумасшедшие! – тряся растопыренной левой ладонью, возмущенно и восхищенно восклицает он. – Единственная в мире страна, где нет ограничения скорости!

И снова однообразное жужжание. И такая игра у него – почти на целый день – два раза в неделю: дорога на работу, дорога с работы... Да, это тебе не пять станций метро, которые он проезжал раньше, когда жил у нас. Тут я его буквально не узнаю. Был избалованный академический мальчик, который падал в обморок по дороге в булочную, а здесь... безжалостный пожиратель пространств!

От некоторой монотонности пути я задремываю – как мне кажется, всего на секунду, но когда вдруг резко, толчком просыпаюсь, вокруг – горы. По-немецки аккуратные, без излишнего нагромождения, но горы!

– Ну и ну! – Я ошеломленно оглядываюсь по сторонам. – Ну ты и работу себе нашел! Ближе не было?!

– Подходящей не было, – лихо отвечает Гага.

Он уже уверенно, победно сворачивает на одну дорогу из трех, на одну из пяти, на одну из семи; тут уже плотно населенная зона – кругом дома, виллы, высокие виадуки, – надо на ходу разбираться. Вдруг, после особо лихого поворота (одна дорожка, безошибочно выбранная чуть ли не из пятнадцати), мы уже мчимся вдоль берега: гладкий водный простор, окруженный по горизонту аккуратными горами с белыми домиками. Дальше все меняется стремительно – мы с ходу въезжаем внутрь какой-то огромной пристани, причаленной к берегу, громыхнув трапом, въезжаем в большой гулкий железный ангар, проезжаем через него – и как знать, если бы не цепь, преграждающая путь, не съехали бы мы в воду? Но у самой цепи мы застываем как вкопанные. Гага вытирает пот. К нам, лавируя между другими машинами, устремляется черноусый красавец в голубой униформе. Гага протягивает ему через окошко ассигнацию, тот отрывает билет. Я с недоумением озираюсь по сторонам, назад, въезжают все новые машины...

– Паром, что ли? – восхищенно восклицаю я.

Гага, довольный эффектом, благодушно кивает. Мы с двух сторон вылезаем из машины, по железному, с заклепками, гулкому трапу поднимаемся на просторную верхнюю палубу.

Паром медленно отплывает. По мере удаления от берега все больше видно пространства, уходящего вдаль и ввысь, с россыпями белых домиков в уютных долинах. Из дымки вырисовывался дальний берег. Через полчаса паром мягко ткнулся в пристань, цепь на краю парома сняли, и машины, как голодные, рванулись вперед.

– Ну, может, немножко расслабимся? – оглядывая обступившие нас субтропики, предложил я.

– Сначала дела! – холодно произнес Гага.

Какой-то просто Железный Феникс!

Машина карабкалась по осыпающимся, чисто крымским улочкам-горушкам, только дома по сторонам были другие, шикарные виллы. С завываньем – вверх, с уханьем – вниз.

– Кратчайшая дорога, – отрывисто выдохнув, счел нужным объяснить Гага.

– Ясно! – выдохнул я.

Я тоже устал, хоть был исключительно зрителем, частично спящим. Нас понесло вниз с горушки, и на этот же перекресточек с поперечной горушки скатился огромный белый «Форд» – с отчаянным визгом тормозов мы остановились в полуметре друг от друга. Седой, жилистый, в белой бобочке владелец, застыв за стеклом, впился взглядом в моего Гагу – и Гага, не мигая, уставился на него. Пауза накалялась. Ну все! Я пригладил волосы. Сейчас монтировки из-под сидений – и в бой! Но пауза длилась, водители были неподвижны. Вдруг седой джентльмен широко улыбнулся, поднял у себя за стеклом руку и приветливо помахал. Должен отметить, что Гага ни на мгновение не отстал; когда я обернулся на него, он так же радостно улыбался и махал рукой. Ну и порядки! Наконец, насладившись лицемерием друг друга, оба резко и безоговорочно дали задний и багажниками вперед стали карабкаться обратно каждый в свою горушку. Казалось бы, тут достаточно и одному попятиться, чтобы другому проехать, но – кому? Вот вопрос! Конечно, если по-нашему, наш занюханый «Пассат» должен был потесниться, чтоб уступить шикарному «Мерседесу», – об чем речь? Но тут, видимо, и речи не могло быть о чьем-то наглom преимуществе – тени этого не было. Чудная страна!

Надо признать, что соревнование в джентльменстве мы все же проиграли и еще раз, уже вдвоем, помахав чудесному старику, проехали первыми... Но нас же двое? Ползанье по горкам продолжилось.

– Знакомый, что ли? – чтобы хоть как-то объяснить небывалую приветливость, поинтересовался я.

– С такими засранцами не знакомлюсь! – проворчал Гага. – Съезжает без сигнала!

– Но и ты же без сигнала!

– Просто порядок тут такой – всегда улыбаться, при любых осложнениях, и чем осложнение круче, тем улыбаться радостней.

– И правильно, я считаю!

– А тут все правильно! Можешь быть стопроцентно уверен, что, если ты ни в чем не виновен, тебя не накажут никогда.

– А у нас – запросто!

– Зато уж, – упрямо продолжил Гага, – тут если ты хоть что-то нарушил, можешь быть абсолютно уверен, что наказание неминуемо.

– Да... тоже не как у нас...

– И если пытаешься лукавить, финтить, вина твоя, в глазах общества, возрастает в сто раз!

– Сурово!

– Ты, может, слыхал – нашего премьера уже почти свалили за то, что он сказал неполную правду. И скинут, будь уверен, – тут такие не нужны!

– Да-а-а... – как-то неопределенно произнес я.

– Помню, в самом начале еще... двух месяцев тут не прожил, – заговорил Гага. – Выезжал я как-то из гаража... и чью-то машину легонько стукнул, у тротуара. Радостно оглянулся – никого! – и валить! Вечером приезжаю довольный домой и говорю Ренатушке: «Ты знаешь, я тут машину одну тюкнул – но удалось отвалить». Понятное вроде, по-нашему, дело. Но

только гляжу я – Ренатушка побледнела как смерть! «Когда это... было?» – еле-еле выговорила. – «Утром, а что?» Она еще пуще побелела. Потом берет слабой рукой телефон, ставит передо мной: «Звони в полицию!» – «В полицию? Вот еще! С какой стати?» – «Умоляю тебя, если еще не поздно, звони!» – «Зачем? Никто же не видел!» – «Звони! Ты погубишь (если уже не погубил) свою судьбу здесь! Тут человек, который обманул, сразу же вылетает из всех порядочных сфер, тебя не фосьмут даже в торгофлю!» – «Но ведь совсем легонечко же тюкнул!» – «Звони!» – «Ну дела!» Набираю номер полиции, меня там приветствуют, как именинника. «Как замечательно, что вы нам позвонили! Впрочем, мы ни на секунду не сомневались, что вы порядочный человек! Впрочем (мимоходом, вскользь), все ваши данные нам уже известны... Так что – замечательно! И если вас не затруднит, позвоните, не откладывая, владелице машины – она очень ждет вашего звонка, вот ее телефон». Звоню – та тоже безумно счастлива, что наши жизненные пути пересеклись. Ни тени упрека!

– Великолепно!

– Что великолепно-то?! Ты бы так пожил!.. Сумку не потеряй – сразу же приносят!

Мы вскарабкались на еще одну горку и завернули в темные бетонные катакомбы, подпираемые столбами – чуть опять же не столкнувшись с выезжающим автомобилем, еле успели увильнуть – да, Гага молодец! – и заняли вроде бы тот единственный свободный от машин квадратик, с которого, видно, только что съехал тот автомобиль – блестело пролитое машинное масло. Мы наконец-то встали.

– Ну... все! – Гага утер рукавом счастливый пот, застыл в неподвижности.

– Что все-то? – Я огляделся. – Мчались столько часов через всю Германию, чтобы оказаться в этом погребе?! Надолго мы тут?!

– Ты что, не можешь посидеть?! – заорал Гага. – Провел бы ты шесть часов за рулем – я бы посмотрел!

– Ну ясно, ясно. – Я дисциплинированно застыл.

Наконец Гага зашевелился, медленно вылез, я, во всем копируя его, вылез тоже медленно.

Мы, уже пешком, поднялись еще на одну горку – перед нами открылась бескрайняя озерная гладь. Чуть в стороне, на самом верху, стоял огромный стеклянный куб, опутанный толстыми отопительными трубами, сильно напоминающий котельную в Комарово...

– А это что за ангар? – поинтересовался я.

– Это наш университет! – сухо произнес Гага.

– А-а... понимаю... Постмодернизм!

– Ну наконец-то ты начал кое-что понимать! – Нижняя губа его благодушно отмякла. – Вообще, – он улыбнулся, – если тебе, в том числе и здесь, будут что-то долго и сложно толковать, ты говори после некоторой паузы: «Постмодернизм!» И никогда не ошибешься. И наоборот, будешь автоматически считаться очень умным и вдобавок очень смелым человеком. Усек?

– Усек!

Мы вошли в огромный холл, почему-то мощный булыжником. По краям, у стеклянных стен, валялись очень грязные и потертые, но зато очень длинные диванные валики, скованные алюминиевыми цепями.

– А это что? – поинтересовался я.

– Это? – Гага кинул взгляд. – Место для отдыха. Постмодерн. – Он уже был крепко сосредоточен на чем-то на своем. – Так-так-так... – Он постучал карандашиком по зубам. – Так. Вроде бы должен тут еще получить какие-то деньги!

Он решительно направился к крохотному окошечку в стене, за которым вроде бы никого не было, но тем не менее, сунув туда какую-то бумажку, тут же вынул увесистую пачку ассигнаций, бросил в карман.

– Да... я гляжу... ты неплохо уже освоился тут!

– А то! – лихо ответил он.

Мы быстро пошли по какому-то коридорчику, потом поднялись по какой-то лесенке, свернули, снова поднялись, потом спустились, пошли по коридорчику.

– Специально так все запутано! – радостно, уже чувствуя себя дома, сообщил Гага. – В первое время никак не мог обнаружить свой кабинет.

– Ясно. Постмодернизм.

Он солидно, как крупный уже ученый, кивнул. Что интересно – на всех этих лестничках и коридорчиках не было ни души.

– Ну а если и на лекциях моих так же будет? – разволновался я.

– Не волнуйся! – зловеще проговорил он.

В одном, наверное, двадцатом коридорчике, ничем вроде бы не отличающемся от предыдущих, Гага вдруг достал ключ и вставил его в белоснежную дверь.

– Мы туда вообще-то? – засомневался я.

– Туда-а, туда-а! – Гага толкнул меня внутрь.

Узкий белый пенал, освещенный люминесцентными лампами, с массой компьютеров, но в общем довольно пустынный. Я обернулся – на белой двери с этой стороны увидел свою фотографию.

– Это так! – Гага небрежно махнул рукой.

– Ну ясно... чтобы не перепутать кабинет!

Мы, улыбаясь, смотрели друг на друга.

– Ну так как ты живешь? – усаживаясь в крутящееся кресло и почти официальным жестом предлагая мне такое же, произнес он.

– Как? Нормально – я же говорил!

– Ну а дома как? – Он пытливо глядел на меня.

– Как дома может быть? Великолепно, как же еще?!

– А помнится, ты говорил: хотел поднять семью... на недостижимую для тебя высоту?

– А-а... не успел!

Я терпеливо смотрел на него: что еще?

– Ну а материально ты сейчас как? – занудно спросил он.

Отыгрывается, сволочь, за трудную дорогу, сбрасывает стресс!

– Великолепно, – ответил я.

– Ну ясно, великолепно! – заскрипел он. – Видел я, как великолепно... был у тебя! Мебель типа «смирение паче гордости».

– Ну такая же мода как раз! У тебя тут то же! – Я оглядел его кабинет.

– По-прежнему, значит, считаешь все, что происходит с тобой, колоссальным достижением своего ума?

– Безусловно! – Я оживился.

– Ну что ж, правильно! – Он солидно, по-профессорски уже, запыхтел трубочкой, кивнул. – Я говорил на последней конференции, что сейчас в литературе время нарциссов. – Он показал на какой-то сброшюрованный отчет.

– Нарциссов?

– Ну, считающих себя самыми великолепными.

– А-а-а...

– Ну хорошо – давай текст, – холодно произнес он, протягивая руку.

– Текст?

– Текст.

– Какой текст?

– Текст твоей завтрашней лекции!

– А-а-а... завтрашней лекции... а зачем?

– Студенты должны ознакомиться с ней... чтобы подготовить свои... э-э-э... возражения. – Он плотоядно улыбнулся.

– Ну... на.

Я вытащил из-за пазухи несколько листков, напечатанных на машинке.

Он раскурил трубочку, напустил дыма, накиннул на тоненький носик огромные очки, стал внимательно прочитывать листок за листком, потом вернулся к началу, включил компьютер, стал настукивать на экран букву за буквой.

– Ну как? – взволнованно проговорил я.

– Вполне приличный текст, – сухо и отрывисто произнес он.

– Ну слава богу! – Я откинулся на спинку кресла.

– Подожди, «слава богу» скажешь в конце! – с угрозой проговорил он.

Он долго молча стучал – я весь извертелся – потом замедлил стук.

– Как это прикажешь понимать: «Гротеск является кратчайшим путем от страдания к его противоположности»? К чьей противоположности – страдания или гротеска?

– Страдания, ясное дело!

– Пример? – строго проговорил он.

– Ну... например... сижу я дома... Полный завал! Абсолютный! И у жены, и у дочери – полный ужас! И вдруг – раздается резкий звонок в дверь, входит незнакомая волевая женщина, молча проходит в комнату, откидывает одеяла и начинает срывать с постелей наволочки, простыни, пододеяльники. «Простите, но в чем дело?» – робко пытаюсь у нее спросить. «Дело в том, что я по ошибке выдала вам чужое белье!» – «А... где наше, позвольте узнать?» – «Понятия не имею!» – гордо говорит. С огромным комом нашего белья идет к двери. «Откройте, пожалуйста!» – высокомерно приказывает. И вдруг все мы чувствуем, что нас вместо предполагаемых рыданий душит смех. Секунда – и все мы не выдерживаем, радостно хохочем! Женщина презрительно смотрит на нас: «Таким идиотам, как вы, вообще не надо белья выдавать!» Уходит. А мы не можем остановиться!.. Понятно? Страдание, неимоверно разрастаясь, не имея эстетического вкуса, перевешивает само себя, грохается в лужу. Плюс еще одна беда – и страдание переходит в хохот. Меняет полноту. Вот так вот... Умно?

Гага молча кивнул и, снова повернувшись к клавишам, продолжал стучать.

– Так... а это – «Все проблемы возникают из-за ошибок»? Не слишком ли высокомерно?

– Нормально!

Гага застучал.

– Так, а это что за литературный прием у тебя: «...Газета гналась за грузовиком – видно, что-то хотела ему сообщить»? Не знаешь?

– Не знаю.

– Ну ладно... тебе завтра объяснят! – с угрозой произнес он и снова застучал.

Наконец он допечатал, долго сидел сгорбившись, вдумчиво попыхивая трубочкой, – я даже извелся.

– Ну так и что? – Он поднял пытливые глаза. – По-прежнему, значит, отрицаешь социальность в литературе?

– Ну... примерно да!

– Напрасно! Это сейчас очень модно! Большой бум!

– Знаю, ну и что? Как-то стыдно, понимаешь, говорить то, что все уже говорят. Разрешенная смелость! «То, что общеизвестно, – то уже неверно!» Слыхал?! «Смелый писатель – это тот, кто смело говорит людям то, что они и сами давно знают». Это уже мое... Вот как, скажем, принято сейчас: ругай милицию, всяких администраторов... и все в порядке будет у тебя. А мне почему-то стыдно! Понимаю – отличнейший момент, бешеную карьеру можно сделать, именно, наверное, поэтому – не могу! Недавно иду по одной площади, ну там толковище, как сейчас везде... И по тротуару мимо меня идет мильтон с рацией в руке. И что, ты думаешь, он в эту рацию бубнит? «Внимание, внимание!.. Купил расческу, следую домой!.. Внимание, внимание! Купил расческу, следую домой!»

– Та-ак! А может, это шифр какой-нибудь? – усомнился Гага.

– Да нет, не думаю. Закончил связь – вытащил из кармана расческу, некоторое время любовался ею, начал причесываться. Вот такая на самом деле жизнь!

– Ну ясно. – Гага помолчал. – А потом этот же мильтон дубинкой тебя жახнет по башке – будешь знать!

– Так то в другой уже момент! А я выбираю вот этот... Или, скажем: недавно прорывались мы в ресторан, ну как всегда – с унижениями, страданиями, прорвались наконец. И – гардеробщика теперь нет! Минут двадцать ждали его! И вот появляется седой старичок, утирает губы... ясное дело, видит нас... Но, как бы не видя нас, перекладывая какие-то тряпочки, «Поку-шали, поку-шали!» – напевает как бы про себя. То есть как бы извиняется, но – просит его понять... Колоссально понравилось! Вот что слышать надо... что давно уже никто не слышит. А классово подходить... Хватит! Подходили уже! – Я разволновался.

– Ну а как же надо подходить?

– Художественно! – ответил я.

Гага удовлетворенно кивнул – видно, это совпало и с его соображениями, но все же подколол:

– Не хочешь, значит? Ну-ну, смотри! А то тут недавно был один из ваших – так тот все нес по кочкам, грязью мазал. Жирно, слоями! Зал – битком. Немало «капусты нарубил!» Купил джинсы, джип, джус... что-то там еще. Компьютер, машинку, стиральную машину... Самолет с его покупками еле взлетел!

– Но ведь страшно же на таком самолете! Это я образно говорю.

– Ну, ну... говори! Ладно, как ты работаешь, это я своим балбесам более-менее объяснил. А вот как ты живешь – будут вопросы. Писать как угодно можно – свобода творчества! А вот как жить хорошо – вот будет к тебе вопрос. – Он откинулся. – Что плохо у вас живут – это все понимают, а вот что хорошо – это не понимают.

– Попробую объяснить. Ну все... А теперь – в пивную! – вскричал я.

– В пивную? Нет! В пивной ресторан! – воскликнул Гага.

Мы мгновенно промчались через лестнички, коридорчики, выскочили на волю.

– На машине? – Я рванул к гаражу.

– Нет уж! На автобусе, представь себе!

– Нашел чем испугать!

Мы пошли на остановку – белоснежный навес.

– Ну... скоро? – нетерпеливо сказал я.

Но не успел Гага ответить, как подкатил шикарный автобус, открыл дверцы.

– Постой! – Я схватил вдруг Гагу за шиворот. – Не поедем на этом!

Автобус вежливо некоторое время ждал, потом сложил свои аккуратные дверцы и уехал.

– Ты что, с ума сошел от перенапряжения?! – вырвавшись наконец от меня, яростно зашипел Гага. – Чем тебе автобус-то не понравился?!

– Да понимаешь... – я замялся. – Как-то в нем хорошеньких было мало... Раз уж я с такими трудностями приехал к тебе, то хочется, чтобы в автобусе были хорошенькие.

– Идиот! – Гага затряс своими ладошками перед личиком. – Хорошеньких ему подавай! Да кто ты такой? Да у нас министры не требуют такого! Избалован ты просто... непонятно чем! – Он возмущенно умолк.

– Да, согласен... я избалован... но исключительно самим собой, – миролюбиво согласился я.

– Ну вот, – тоже остывая, проговорил Гага, подходя к расписанию, – теперь из-за твоего идиотизма торчи здесь... Следующий черт знает когда – через сорок минут!

– Ничего, может, еще раньше придет! – бодро сказал я.

– Не придет, понимаешь, не придет! Здесь страна систематическая, если написано – через сорок... – сварливо заскрипел он, – значит, сорок!

Из-за поворота появился автобус... Гага задохнулся от ярости!

Вот этот автобус был подходящий – хорошеньких полно!

– Ну вот видишь! – миролюбиво сказал я. – Все как я хотел!

– Стоило этому идиоту приехать, – хрипел он, поднимаясь в салон, – как моментально поломалось все, даже расписание! Знаешь, ты кто? Гений идиотизма!

– А ты – Хорь и Калиныч в одном лице! – Я больше опирался на русскую классику.

– Ну все... выходи! – он пихнул меня. – Или тебя выкинуть?

– Драться, к сожалению, не могу – слишком шикарно одет.

– Выходи, говорят тебе! – Гага выпихнул меня из автобуса.

– Жалко. – Я поглядел вслед автобусу. – Там одна отчаянно клеилась! – Я вздохнул.

– Уверен, она на тебя с испугом смотрела! – проговорил он.

– Думаешь, как в известном романсе: «Ты с ужасом глядела на меня»?

– Нет такого романса, – сказал Гага.

Мы свернули в какой-то сад.

– Куда это мы? – возмутился я. – Не туда!

– Туда-а, туда-а! – усмехаясь, произнес он.

И действительно, под раскидистыми пахучими липами я разглядел тяжелые, накрытые скатертями столы, могучие стулья. На них сидели люди, пили пиво и ели.

– Биргартен... Пивной сад! – доложил Гага.

– Понимаю! – воскликнул я.

После короткого разговора, который я частично уже понимал, официант принес много-много разноцветных сегментов сыра на деревянной доске, шершавые соленые палочки в бумажном стаканчике, потом – длинные сосиски, шипящие на сковородке. Наконец принесли и пиво.

– Ну! – Мы стукнулись тяжелыми кружками.

– Та-ак! – радостно проговорил он. – Завтра мои ребятушки... орлятушки мои... раскатают твой докладик... по бревнышку! – Он сладострастно хлебнул.

– Отлично! – воскликнул я.

Несли уже седьмую, восьмую закуску!

Потом я уже сидел расслабленно, привольно облокотившись на удобную – как раз под мышку – ограду сада.

– Вот ты говоришь, – лениво, уже не зная, к чему придраться, заговорил я, – ... вот ты говоришь... демократия, Европарламент... А вон стоит прямо посреди улицы полицейский – не скрою, правда, первый, которого вижу за все время, но стоит посреди улицы – и останавливает некоторые машины – правда, редко. И документы в них проверяет! Это как?!

– Граница, старик, – кинув туда спокойный взгляд, равнодушно сказал Гага и тут же пожалел о сказанном.

– Граница?! – Я вскочил, перегнулся, как мог, через ограду и стал вглядываться туда. – С кем?! – Я повернулся к Гаге.

– Ну со Швейцарией... – неохотно ответил он. – Я ж говорил тебе, тут вся Европа сошлась...

– Со Швейцарией?! – Я еще больше перевесился через забор. Улица уходила за границу абсолютно спокойно. – А можно туда?

Да, было такое время, когда для разных стран в Европе были разные визы... А в Швейцарию, кстати, и сейчас.

– Сразу видно, человек оттуда! – заворчал Гага. – Сколько границ уже пересек – и все ему мало, подавай еще одну!

– А нельзя?! – Я встрепенулся.

– Сложно, – подумав, проворчал он.

– А помнишь, как ты ко мне, когда я в Венгрии был, из Австрии прорвался?!

– Ну я тогда молодой... к тому же пьяный был.

– А сейчас? Слабо?!

– Ну все... ты мне надоел! – Он со стуком поставил кружку, подозвал официанта, заплатил.

– Все, что ли? – проговорил я разочарованно.

– Как ты хотел.

– Как – я хотел?

Он не отвечал. Мы быстро сели в автобус – тут уж я не ерепенился, – проехали несколько остановок, потом вдруг сели в вагончик, оказавшийся фуникулером, – он поволок нас над обрывами, пропастями.

– Куда же так высоко?!

– Альпы, старик, – отрывисто сообщил он.

– Ясно.

Мы вышли на обдуваемой ветром площадке, окруженной со всех сторон пространством. Чуть в стороне стояла деревянная кабинка с двумя как бы подвешенными жесткими сиденьями и широко раскинутыми крыльями.

– Планер, что ли? – дрогнувшим голосом спросил я.

Гага зловеще кивнул. Мы подошли, сели рядом в креслица... Ух! Старушка-билетерша получила денежки, как-то по-славянски перекрестила нас... и отцепила. Грохот, сотрясение, резкий ветер, потом – глухой удар, словно обрывающий жизнь, и небытие: тишина, неподвижность. Я открыл наконец глаза: под моим крылом паром внизу, на глади озера, был как игрушечный. Гага, растрепанный и словно надутый воздухом, рядом что-то пел.

– Высота? – деловито осведомился я.

– Метров четыреста, – глухо (уши заложило) донеслось до меня. – Что, не любишь?!

– Ну почему?! Люблю!

– Вон видишь, беленький домик на мысу? – Гага, выпростав ручку, показал.

– ...Вижу.

– Италия, старик!

Запретные радости

Амстердам... Темный квартал вдоль канала. Все двери окаймлены красными светящимися трубками... Если уж и это не разбередит! Втискиваюсь в узкую улочку... Песня вдруг вспомнилась: «Широка в деревне улица – а нам не разойтись!» Петя пришел? Ближе к делу! Вся стена – стеклянные дверки. Напоминает будки телефонов-автоматов. Вспомнил надпись на них: «Разговор не более трех минут!» Может, хватит посторонних ассоциаций, а? Но что делать, похоже. И «разговор» здесь тоже «не более трех минут» – судя по частому хлопанию дверей. Рискнуть?.. Но, помнится, в те наши будки, телефонные, на морозе люди мужественно выстаивали длинные очереди – так было важно в будку войти. Тут такого энтузиазма не наблюдается – очереди нет. До чего же коварно время! Косит все! Очереди нет – но и желания тоже!

А помнится, на крышу нашего дома обледеневшую лез с однокашниками, чтобы поглядеть в окна женского общежития, где, собственно, ничего такого особенного не наблюдалось. Простуда, кашель, озноб – не останавливали! Кровь из носа, когда упал – к счастью, не с крыши, а на нее!

В те же будки телефонные часами стоял, за «двушку» для автомата готов был полжизни отдать – только бы лишь дозвониться! А тут – дверки распахнуты, и «двушка», в общем, найдется... Мимо иду! Вот одна девушка прелестная, дверь нараспашку (и не только дверь!) стоит, просто и весело разговаривая с парнем. Но не думаю, что она так уж искренне радуется, стоя почти голая на морозе... Брюзжишь? За этим сюда пришел? Сосредоточься! Вот эта, строгая, в очках, на доцентшу похожа, которая унижала меня по математике. Мечтал отомстить – причем именно в такой форме! Не тянет! В смысле, «доцентша» уже «не тянет» на «двушку». Выдохлась страсть? Или жадность уже душит? Второе вернее! Мимо прошел. Вышел на темную площадь, к исторической церкви, по некоторым сведениям, самой старой в этом городе. Тебе – туда.

И необязательно было ездить так далеко! В моем доме, в прежнем подвале, вдруг тоже открылось! И теперь, когда после трудового дня возвращаюсь домой – буквально набрасываются, «листочки» суют!

Однажды удивился: «Юсуф! Дворник наш! Работу сменил?»

Он испугался, забормотал:

– Это я только вечером – днем во дворе! Не беспокойтесь – все подмету!

Хоть один человек за свое рабочее место боится. Вернее, сразу за два. Уже и на стриптизах нас заменяют!

– Смотри! – строго сказал ему и прошел домой.

На следующий вечер накидываются вдвоем! Второй тоже дворник, судя по всему. Переквалифицировались, можно сказать, поднялись! Я разговор в сторону отвел – на проблему миграции.

– Твой земляк?

– Брат! – сообщил, сияя, Юсуф.

Соединились в хорошем месте! И уже развязно себя ведут, понимающе усмеваются: «Зачастил!» Уже к себе домой не могу приходиться?

– Жильцам дома – со скидкой! – воскликнул брат.

Толковый менеджер! Но им только поддайся! Как на работу будешь ходить – с тем же тяжелым чувством! Был прежде там пункт сдачи бутылок, характерный кислый запах стоял. Теперь там праздник торжествующей плоти, судя по «листочкам»... но запах, наверно, остался! Тогда хоть за делом туда ходил, с пустыми бутылками. Волновался: примут ли все?

И радостный выходил с мелочью в кулаке! До двух рублей выручка доходила! А теперь – если спустишься туда? Прощай, деньги?

...Думал ли я когда, что буду охвачен столь тяжелыми размышлениями возле вертепа, где голые прелестницы пляшут вокруг шестов?.. Дожил! Да. Жизнь прошла. Не мимо, конечно, но прошла. Добрал домой. В прихожей сидел.

О, телефон зазвонил! Долго не брал... Снял все же. Тишина! Сердце запрыгало.

– ...Алло, – после долгой паузы проговорил женский голос, не сразу узнанный, но – пронзивший душу.

– ...Алло, – хрипло ответил я.

И все вернулось! Трудные «запретные радости» больше не нужны.

Бабочка

«Два лейтенанта, Петров и Брошкин, шли по территории молочного завода. Вдруг грохнул выстрел. Петров взмахнул руками и упал замертво. Брошкин насторожился.

– Что это у вас тут стреляют? – строго спросил он, входя к директору завода.

– Да это шпион! – с досадой сказал директор. – Третьего дня шли наши рабочие, и вдруг видят: сидит он и молоко пьет! Они побежали за ним, а он побежал и в творог залез.

– Как – в творог?

– У нас на четвертом дворе триста тонн творога лежит.

– Будем ждать! – решил Брошкин. – Проголодается – вылезет.

– Он не проголодается! – сказал директор. – Он, наверное, творог ест!

– Мы тоже будем есть творог! – решил Брошкин.

Подъехала машина, и из нее вышел подполковник Майоров и шестеро лейтенантов. И все навалились на гору творога. Вдруг они увидели, что к ним приближается толпа. Впереди шел пожилой рабочий в очках.

– Мы к вам, – сказал он Майорову. – В помощь!

– Спасибо! – сказал Майоров, и его строгие глаза потеплели.

Когда творога осталось килограммов двадцать, из него выскочил шпион, побежал, петляя, и скрылся в третьем дворе.

– Плохо дело! – сказал директор. – Теперь он в масло залез!»

Дочитав, я поднял глаза от текста. Испанские студенты смеялись. Так же, как русские и любые другие. Читал это незатейливое сочинение во многих странах – и отлично реагируют. Если нормальный перевод – никакой преграды между культурами нет, и все прекрасно понимается – конечно, с оттенками местного интеллекта.

Бабочка русской культуры все еще порхает по разным странам и континентам, и пыльца с ее крыльев еще не стерлась.

Мой друг Вова, оказавшийся в Майнце, читает все, публикующееся у нас, смотрит все наши новые фильмы по Интернету и обрушивает все свои переживания на меня. «Как – не читал? То есть как – не смотрел?» – «Посмотрю, посмотрю».

Феномен русской культуры и литературы действительно существует – и действует не только на наших эмигрантов. Знаменитый славист Жорж (фамилию не называю, все литераторы и так знают ее) в свое время имел конфликты в СССР, была разбита его личная жизнь – и сколько сил теперь тратит он на поддержку русской литературы, и эта его страсть позволяет если не позабыть, то как-то сгладить обиды. Дело, по его ощущениям, стоит того.

Не менее знаменитый славист Рене, монархист, не принимающий никаких революций, работал секретарем у русского писателя-эмигранта, собрал, наверно, лучшую в мире коллекцию эмигрантской литературы, которую никак не может представить широкой публике – власти все не могут найти достойного помещения: власти не только французские (это еще можно понять), но и наши. В общем-то, эта «парочка» – власть и культура – никогда не была дружной.

Живущий теперь в Барселоне режиссер Борис, представитель знаменитой ленинградской режиссерской школы, позволившей ему вполне заслуженно занять заметное место в театральной Испании, вынужден был покинуть Ленинград из-за конфликтов с властью.

А я? Вот сижу тут в Испании, в тенечке, после бурной встречи в мадридском университете – и стараюсь не думать о том, какие неразрешимые сложности ждут меня в Питере как руководителя писательской организации, когда я попытаюсь осуществить хотя бы одну культурную программу!

Да и здесь многие жалуются. Жизнь в разных странах во многом похожа – как вот эти серые воробьи, бодро скачущие во всех странах. Вдруг один воробей взлетел и запорхал по какой-то ломаной траектории, резко меняя направления, вверх-вниз, влево-вправо. За бабочкой гонится. Поймал, негодяй! Но борьба вышла почти равной, выбрал жертву себе «не по клюву»: бабочка тоже «потрепыхала» его, он даже свалился набок. И вдруг – бабочка вырвалась, села на куст и стала поправлять крылышки.

«Вот так и культура», – подумал я.

Рабочая гордость

Самолет снижался над Ниццей. В зелени (вечная весна!) виднелись черепичные крыши, и почти у каждого дома сверкало голубое зеркальце бассейна. Да-а! Вот оно, место отдыха богатых бездельников! «Ну, может, и богатых, но навряд ли бездельников!» – поправил себя я. Набережная Ниццы – Английский променад с пальмами – тянется дугой от горизонта до горизонта. Вниз уходит наклонная серая стена, под ней – ровный галечный пляж, дальше – лазурное Средиземное море. Купальный сезон еще не пришел. Зябкие европейцы уже спускаются на пляж, идут, хрустя галькой, вдоль моря, но пальто и шляп еще не снимают. Солнце уже греет лицо, но, по их понятиям, этого мало. У нас при такой погоде, и даже раньше, пляж Петропавловки сиял бы голыми телами. А эти переговариваются, смеются, молодые дружески толкаются, резвятся, но обнажаться никто не спешит.

О, один загорающий есть! В наклонной стене впадина, ниша. В углублении ветра нет, и солнце печет всюю – и обнаженный, седой, подтянутый красавец, сладко жмурясь, раскинулся в пластмассовом кресле, подстелив полотенце. Хорошо устроился! Впрочем, через минуту зависть моя чуть уменьшилась: я увидел таблички возле ниши и с помощью моей спутницы перевел: «Горячий душ», «Камера хранения ценных вещей», «Туалет». «Тубзик», как называет это заведение моя спутница, запомнившая это словечко с далеких пионерских лет. Так что этот... милорд, хранитель необходимых «удобств», раскинулся, пожалуй, слишком горделиво! Хотя, с другой стороны, каждый человек сам выбирает, как ему себя чувствовать и где. Этот считает, видимо, что все прекрасно, – и глупо и даже подло его с этого сбивать. Да его и не собьешь! Это мы непрерывно мучаемся, даже в самых высоких своих кабинетах, – а этот вполне счастлив и горделив здесь. Мое первоначальное ощущение, что это загорает какой-нибудь пэр или герцог, все-таки отошло... Вероятно, это все-таки служащий данного учреждения... вот такие они тут! Самодостаточные, о таких говорят. «Рабочая гордость» – сказали бы у нас.

К нему направилась дама с собачкой – хотя на табличке у входа явственно изображена была собачья голова, накрест перечеркнутая красными линиями. Ясно, по-моему! Но эта мадам – миллиардерша, видимо – прет не глядя! Для них не писан закон! Почему-то злоба меня душила... Вот они и встретились. Ну все? Конец идиллии? Ведь ясно же сказано: с собаками нельзя! И вдруг услышал их радостное курлыкание! Давние любовники, может? Похоже. Уж больно ласково и любовно у них. И конфликт тут же разрешился, а верней, даже и не возник... при этом и закон был не нарушен: красавец вышел на солнце с шавкой в ладонях, что-то ласково и строго ей говорил, шавка сладко жмурилась на солнце, но при этом грозно рычала. А я залюбовался им... суперзвезда! Что-то у Маяковского есть, об ужасе такой работы в Париже... Мрачно поэт смотрел! Стущал краски... Мадам грациозно выпорхнула, подошла к... даже не могу подобрать слово, как его назвать, все наши термины слишком унижительны, взяла собачку, и они некоторое время озабоченно обсуждали ее непростой характер, потом нежно расстались... все-таки любовники? Хотя слишком большой социальный контраст... или у них это не акцентируется?

Потом появились еще две дамы – и я с завистью слушал их любезный и даже радостный разговор с... не могу подобрать достаточно звучное название его должности. Может, сплошь родственники к нему идут? Да нет. Просто – французы!

Потом он вышел на солнце с мобильником и строго выговаривал кому-то... возможно, сыну за недостаточное прилежание в учебе? Вот люди!

Потрясающая встреча ждала меня и на русском кладбище в Ницце. Рене Герра, великий знаток русской эмиграции, согласился показать мне могилы эмигрантов, когда я об этом попросил. И глянул на часы.

– Ровно через полчаса вся Франция уйдет на обед. Время обеда для французов священо... Успеем ли?

– Но для тех, к кому мы направляемся, обед, мне кажется, уже не играет той роли?

Мне казалось, что такие шутки, с каплей цинизма, в веселой Франции допустимы. Но Рене строго глянул на меня. Не проканал!

– Потом... те, кто там лежит, мне кажется, вовсе не французы, а русские? – добавил я.

– Все, кто собирается жить во Франции, должны научиться жить по-французски и обедать, в частности, как они, – отчеканил Герра.

«И даже покойники?» – чуть было не брякнул я, но вовремя остановился. Но Рене, кажется, просек мою мысль и поглядел на меня еще более строго.

– И даже русские сторожа русских кладбищ! – гордо произнес он. – И именно он нас и ждет.

– Потомок аристократа? – уточнил я. Аристократы – педанты, знаю я.

– Нет. Местный бомж, – уточнил Герра. – После того, как по пьяни утонула в море его жена, он совсем было опустился, и я устроил его сюда. И он снова обрел свое достоинство. И сейчас ничто не помешает ему через десять минут запереть ворота и уйти обедать на неопределенное время.

Во, гордый человек!

– А нельзя ему позвонить?

– А что это изменит? – пожал плечом Рене.

Однако пошел в свой кабинет и некоторое время там разговаривал. Вышел довольный.

– Я сказал ему, что приведу русского писателя, и он согласился подождать. Поехали.

Мы ехали вверх по крутым асфальтовым улицам, сквозь решетки торчали ветви с цветами.

Остановились у деревянных ворот в высокой насыпи. Рене постучался бронзовой стучалкой в виде ладони. И калитка открылась.

Худой бородатый мужчина, в строгих очках.

– Писатель из Петербурга Валерий Попов, – познакомил нас Рене. – А это – Алексей Иванович.

– Хорошо. Я буду у себя!

Сухо кивнув, сторож наш встал на четвереньки и залез в пересохший шалаш у стены.

Мы поднялись к кладбищу. Мраморное, белое, слепящее, оно поднималось к яркосинему синему небу почти вертикально. Сзади нас, под горой, лежало лазурное море.

«Отличное местечко!» – чуть не вырвалось у меня.

Но я сдержался, стал почтительно разглядывать плиты. Ого! Адамович. Бобринский (внебрачная ветвь от Екатерины Второй), Жемчужников (автор Козьмы Пруткова), Малявин, гениальный художник. Юденич! Юрьевская (моргантическая жена Александра Второго). Романовы, Гагарины, Оболенские, Волконские.

Зашли в храм, венчающий кладбище, на самом верху. Мраморные доски с фамилиями офицеров русской императорской армии, скончавшихся в Ницце с 1921 по 1951 год.

Стали спускаться. Сверху слепило солнце, снизу – море. Остановились у шалаша.

– Надо поблагодарить Алексея. Здесь так принято! – сказал Рене.

Алексей и сам уже выполз, встал, показавшись вдруг крупным, значительным. Я неуверенно трогал правой ладонью мелочь в кармане брюк – дать?

– Что же вы, Валерий Георгиевич?! – вдруг строго произнес он. – Я так на вас надеялся – но вы как-то сникли. Что вы написали за последнее время? «Горящий рукав». И только. Простите, разочарован.

И он уполз в шалаш. И все? Аудиенция окончена? Я стоял потрясенный. Получил выволочку! И где? На кладбище! Правда, кладбище знаменитое, «населенное» гениями. И даже сторож здесь – эрудит.

– Не расстраивайтесь! – произнес Рене, когда мы сели в машину. – Просто пока мы ходили, он залез в Интернет. В Интернете, сами понимаете, сведения не полные. Не хотелось ему показывать, что он что-то не знает. Ведь на таком кладбище работает!

– Рабочая гордость! – Я все понял. – ...Да нет. Он прав! Надо больше работать!

В следующий свой приезд в Ниццу я привез гору своих новых книг – сунуть в его шалаш, показать, что слова его меня вдохновили. Но Рене сказал мне, что Алексей на том же кладбище, но уже, увы, не как сторож.

Встречи на высоком уровне

С самым знаменитым русским писателем-современником Сергеем Довлатовым мы познакомились в гостях. Вышли вместе и направились к нему, купив по привычке тех лет одну вещь. Сели и только хотели разлить – как вдруг вошла его строгая мама, Нора Сергеевна. «Познакомься, мама, это Валерий Попов!» Пытаясь отвлечь ее внимание от предмета на столе, Серега указал на меня. «Хорошо, что Попов, плохо, что с бутылкой!» – сурово сказала она. «Да нет, это моя. Он ни при чем!» – Сергей попытался спасти мою репутацию. «Да нет, это моя!» – Я благородно взял вину на себя. «Ну если не знаете, чья, – значит, моя!» – сказала Нора Сергеевна и сосуд унесла. Такова была первая встреча. Потом у него были неприятности, потом – эмиграция... Про последнюю нашу встречу с Довлатовым рассказать не могу, поскольку она намечалась, но не состоялась. Остались книги и всеобщая к нему любовь. Однако в США я все же оказался – по вызову другого знаменитого земляка из той же компании, Иосифа Бродского.

Были у меня встречи и с главами государств, правда, недолгие. В 2005 году, во время русского сезона на французской книжной ярмарке, однажды утром спустился по лестнице отеля на завтрак и обомлел: все, торжественно одетые, уже садились в автобус. Мой друг-москвич удивился: «А ты не знаешь? Едем сейчас в Елисейский дворец, на встречу с Путиным и Шираком!» «А я как же?» «Ну... переодевайся!» Я успел! Правда, не совсем. Сбегая, увидел через стеклянную дверь, что автобус отъезжает. Я прыгнул. Стеклянная дверь гостиницы должна была, по идее, разъехаться, но не разъехалась. Не сработал фотоэлемент? Видимо, я превысил скорость света. Со страшной силой я ударился лбом в толстое стекло и был отброшен назад, на спину. Рядом был бар. Бармен кинулся ко мне, приложил ко лбу мешочек со льдом. Москвичи, хохоча, уехали. Полный провал! Вдруг рядом с моей головой оказались лакированные ботинки. Надо мной стоял красавец во фраке. Он с изумлением смотрел на меня. Потом обратился к бармену медленно-французски, но я понял! Спрашивал: «А где русские писатели?» Бармен показал на меня, лежащего на полу: «Вот, только этот». Я мужественно встал. Красавец, уже на русском, сказал мне, что он из Елисейского дворца, за русскими писателями. В итоге я, один-единственный представитель великой литературы, в огромном автобусе, по осевой линии мчался в Елисейский дворец. Передо мной торжественным клином ехали мотоциклисты в белых шлемах. Главы государств уже ждали, в роскошном зале с бархатными креслами. Мы подошли. Путин несколько удивленно посмотрел на меня. Видимо, хотел понять: где же остальные. С присущей мне находчивостью я сказал: «Я из Петербурга!» Путин кивнул, мол, тогда все ясно. Я поздоровался с ним, потом с Шираком, и тут в зал вошли остальные мои коллеги, глядя на меня с изумлением и завистью. Да, как-то вот так. Одни спешат занять места в автобусе, забывают друзей, но в результате почему-то опаздывают. Другие попадают в истории, переживают неприятности, падают – но в итоге почему-то побеждают. Имею я в виду не столько себя, сколько моих знаменитых коллег, о которых я рассказал в начале... Да, были в жизни встречи! Чего еще и желать? Осталась только встреча «на самом высоком уровне» – но с ней, я думаю, лучше повременить.

Париж навсегда

Париж всегда был в нашем сознании городом счастья – и при встрече эту репутацию подтверждал. Роскошью, сиянием улиц, элегантностью и приветливостью прохожих он поразил меня в первый раз в восьмидесятые годы – особенно потому, что у нас тогда было неприветливо и хмуро. Советских туристов возили на красивых автобусах, Париж был городом уютных отелей, великолепной кухни и гениальной живописи. А каким же еще ему быть?!

Он все больше становился любимым городом, особенно когда приютил многих наших подпольных художников, бывших изгоев, с которыми мы у нас пили портвейн в мрачных подвалах, – Париж поселил их в красивых мастерских, оборудованных на месте прежнего рынка, «чрева Парижа», накормил их, напоил, прославил – теперь мы, приезжая к ним в гости, отмечали в престижнейших галереях открытие их выставок, чокаясь шампанским «Клико» и закусывая устрицами. Победа! Мы стали гражданами вольного мира! И он признал нас – читал наши книги, покупал картины, и любимей всех был первый город вольного мира – Париж! Помню, как я, счастливый, пьяный и молодой, шел по Елисейским полям!

Была у меня и своя история, связанная с Парижем, – завязавшаяся давно, еще в Ленинграде. Однажды я спешил по улице Маяковского, мимо знаменитого родильного дома имени профессора Снегирева. И у самого входа в приемный покой мы столкнулись вдруг, животом к животу, с прелестной молодой женщиной. Почему у нее был живот, понятно, а я просто был тогда слишком толст. Но не это главное! Главное – почему мы столкнулись! Я – потому что был в своих мыслях и ничего не замечал. А она – потому что (бывает ведь в жизни счастье!) читала на ходу мою книгу и тоже ничего не видела вокруг. Вот момент! Как мы оба обрадовались! «Какая встреча! Значит, все будет хорошо!» – сказала она.

И так и вышло. Через тридцать семь лет я с волнением рассматривал незнакомую публику, рассеянную на стульях передо мной на парижской книжной ярмарке. Есть ли хоть одна родственная душа? Кажется, есть! Женщина в первом ряду, по виду, по одежде типичная парижанка, реагировала на мои байки живо и, главное, быстро, еще до перевода. Своя? После выступления она неуверенно подошла. «Вы меня, наверное, не помните?» – «Почему же? Я все помню!» – «Да нет. Наша встреча была слишком мимолетной. Буквально на минуту – у родильного дома...» – «Так это вы? Как я мог вас забыть! Вы мой любимый читатель! Кто еще так читал меня, как вы!» – «И у меня все прекрасно – отличный сын, любит вас!»

Именно там и тогда окончательно убедился я, что жизнь прекрасна. Париж – город, где сбываются мечты. Мы стали радостно переписываться, договорились о встрече у нее. Если отбрасывать лучшее – что же останется? Собрался прилететь к ней – с новой страстной читательницей. Где еще праздновать любовь, как не здесь? Уверен, они подружатся. Париж – город легкий.

...Правда, многие уютнейшие парижские кафе зачем-то превратились в мрачные забегаловки с рядами скамеек, где плохо одетые эмигранты смотрят футбол, а на нас поглядывают косо... И вот в ноябре 2015 года – вспышка открытой ненависти, кровь!

Погиб Париж? Нет! Наш Париж – навсегда. Он пережил гильотину, фашизм и расцвечал снова и снова – символ вечного счастья. Не бросим его – и он не бросит нас. Билеты куплены заранее, и мы не собираемся их сдавать.

«Два рейса в Париж из-за террористической угрозы перенесены...» Ну что? Сломали нас?

Можно, конечно, сдрейфить, спасовать, пожертвовать мечтой, и благоразумно выжить, и потом таскаться с баночками по поликлиникам, вчитываться в анализы... Обменять нашу

«красивую жизнь» на вкрадчивую, осторожно-хмурую? Но мы не от Парижа откажемся. От себя!

...Ну что? Летим?

Птичий двор

Главное, что радует за рубежом, – встреча с любимыми картинами. «Птичий двор». Так называется картина «малого голландца» Яна Стена – любимая моя! Открыл я ее неожиданно, в Национальной галерее, в Лондоне, причем не залах, а в киоске у гардероба. Цветная, с английскими буквами внизу – афиша временной выставки, которая, оказывается, уже уехала, и поскольку была не копией, а плакатом выставки, стоила копейки. Я тут же схватил ее.

... В тихую воду уходят мостки. И на мостках стоит красавица-уточка: пестрая, с хохолком. К ней подплывают ее пестрые подружки, самых разных мастей, и она, слегка на возвышении, благосклонно ждет их, как королева. На ступеньках к воде девочка в белом, уронив соломенную шляпу на ступеньку, поит из чашки молоком беленького козленочка, притом стеснительно смотрит на нас, а с двух сторон ею любуются два работника – один, благообразный, только что собравший яйца в корзину, с кувшином молока, из которого он налил ей в чашку, и второй, уродец-карлик в рваной одежде, в башмаках, с корзиной под мышкой, тоже смотрит на девочку. Над ним – голубятня, откуда летят белые голуби, заполняя верхнюю часть. Один голубь в «зените» картины выше всех раскинул крылья, как дух святой. Дальше – стена, и за аркой виден замок, тоже окруженный водой, а через арку сюда, к нам, прет пестрая птичья толпа – белые гуси, серые куры, черно-бело-красные индюки. В правом углу картины на сухом светлом дереве сидит павлин, свесив роскошный свой веер. В левом углу картины строго и слегка недовольно смотрит огромный яркий петух: все ли как надо, все ли хорошо?!

Что так связывает меня с птицами? Помню свой самый первый урок. Учительница, раздав тусклые листки в клеточку (сорок седьмой год!) предлагает нарисовать, кто что хочет. И я тупым карандашом нарисовал почти невидимую серую уточку, уместившуюся в одну клеточку. Почему так мелко? Стеснялся? Потому что сам был тогда неяркий и мелкий и мучительно чувствовал это? И, «разворачиваясь» постепенно, всюду искал уточек, подбирая себе все более яркие их изображения. Стеклопанель, в ярких полосах – из самой Венеции. Из Тель-Авива – в натуральную величину, из папье-маше, из Майнца – слепленную из цветных острых зернышек. Вот чего я достиг: весь мир у меня на кухне слетелся на утиных крыльях! У себя в Питере, на Сенной, купил у старушки сервиз из шести мелких тарелочек – и ел с них... Может быть, когда-то мама уговаривала меня: «Доешь кашку – увидишь уточку?» А тут – даже дуэт! Коричневый селезень тормозит в воде лапами, приводняясь рядом с уточкой – коричневые пучки камыша, треугольнички в небе – летящая стая, от которой откололся наш селезень ради любви. «Птичий двор» с бумажного плаката, висевшего у меня над столом, разлетелся по всей квартире.

Саму картину я встретил неожиданно, в музее Гааги, куда заехал случайно, с другом – не очень большим любителем музеев. Буквально пробежаться меня отпустил, сам ждал нетерпеливо в машине. Но я все же задержался, застыл перед проникновеннейшей картиной Вермеера «Вид Дельфта». Оторвался все-таки, обернулся... И снова оцепенел. Она! Любимая моя! Вот она где! В тихую воду уходят мостки... Я стоял, сколько можно – потом кинулся в музейный ларек. Ее там не оказалось! Только маленькая открытка, почтовая! Ушел.

Остался лишь тот плакат, лондонский. 1976 года. И изорвался, истрепался в ремонтах и переездах. Исчез! Износился, как и моя жизнь! Когда это точно произошло – даже не помню. Разбился и сервиз. Как и жизнь. А вот и больница. Голые стены. Жизнь кончается тем, что все исчезает. Слово «утка» имеет здесь жалкий смысл – писаешь в нее, если встать не можешь.

Но наконец – встал... Лучший в мире пейзаж – из окна больницы: на плоской крыше гаража – ярко-зеленая плесень, из нее – деревце! Прошаркал в столовую. Произнес: «Пятый

стол». И тут вдруг в руке нянечки оказалась тарелочка – коричневый селезень спускается к самке, крылья его широко распахнуты. Моя? Но моих уже нету!

– Стойте!!! – прохрипел я. – Нет... Давайте!

«Привет сверху» – вот что значит эта тарелочка, оказавшаяся у меня в руках! Утку покрыла горюшка гречи... «Докушаешь – увидишь ее!» Впервые поел! И выбрался из больницы. И картина моя любимая «Птичий двор» – снова над моим рабочим столом: наконец технологии достигли того, что я смог увеличить открытку из Гааги до величины картины. Каждый день гляжу на нее... и теперь уже ничего не страшно: есть куда уйти.

Открытие Америки

Америка моих друзей

Бунт на корабле

Первый раз я летел в Америку в 1991 году. Земля была покрыта ковром туч, и смотреть пришлось на подвешенный над креслами монитор. На экране светился зеленым светом наш самолетик, пересекающий карту мира – и словно зацепившийся за самый кончик земли. Неужели мы действительно уже над самым крайним мысом Норвегии, и вот сейчас я – впервые в жизни – покину наш континент и повисну над мировым океаном?

Для меня этот перелет через океан в Америку – впервые в жизни – был равносильен перелету через реку вечности – Лету. Предстояла встреча с друзьями, с которыми давно уже простился навсегда, увидеть которых казалось так же невозможно, как исчезнувших с лица земли. И – главное волнение – от предстоящей встречи с бывшим знакомым, встречаемым прежде то на Литейном, то на Пестеля – и получившим теперь главную в мире литературную награду... Ну как с ним теперь разговаривать? С ним и раньше-то было разговаривать нелегко: его прерывистая, нервная речь, нищая надменность в сочетании с тяжелой стеснительностью заставляли его то дерзить, то краснеть. Уж лучше бы это был незнакомый Гений, Гений – и все, Гений – и слава богу, а не тот конкретный и весьма ощутимый знакомый, рядом с которым прожиты десятилетия ленинградской слякоти, с которым были невыразимо мучительные отношения, тревожные, на краю бездны, беседы. А как бы ты хотел – чтобы гений говорил банальности и общался как все? Нет уж! Соберись! Завтра – встреча. Ты тоже не лыком шит! К тому же ведь это он сам меня вызвал, как сказали мне тетеньки при оформлении бумаг...

Всё! Зелененький значок самолетика оторвался от изрезанной кромки. Я глянул в иллюминатор: ровный ковер облаков, как и раньше... но как-то стало зябко. Ну а чего бы ты хотел? Ты же ведь собрался в Америку! Не знал, что будет так наглядно страшно? Не знал. Говорили, что лететь придется десять часов... ну и что? Я никогда, что ли, не проводил в дороге десять часов?! Да сколько раз, в ту же Москву!.. Но, оказывается, разные бывают часы. Пытался задремать – но не вышло. Я пригнулся к иллюминатору – и замер. Что это? Лохматый ковер облаков протыкали острые, абсолютно черные, мертвые горы. Ни малейших признаков жизни и какого-либо движения – мы словно зависли. Ничего страшнее я еще не видал. Почему не летим-то? И откуда такие скалы в океане? Где мы?

Я трусливо опустил пластмассовую шторку иллюминатора и пытался сосредоточиться на происходящем в салоне. Ничего не происходило! Пассажиры, задвинув шторкой иллюминаторы, дремали. Я поднял глаза на монитор. Мы пересекали какой-то огромный остров. Откуда он тут взялся? Пытался что-нибудь вспомнить – и не мог. Куда нас занесло? При этом все продолжали спокойно спать – все, кроме меня! Изображение на мониторе дрогнуло, изменился масштаб, остров теперь казался не таким громадным, и внизу появилась зеленая надпись... Гренландия! Гренландия-то зачем? Она-то откуда взялась? Мы же в Америку летим. Уж так далеко на Север зачем было идти? Я открыл иллюминатор, надеясь на какие-то изменения... Нет! Те же черные пики. Движемся ли? Но вот внизу появился скалистый обрыв, и вокруг него – кружево изо льда. Легче как-то не стало. Куда прем? Обещали Нью-Йорк и плюс сорок! Но вот эта ледяная феерия закончилась, слава богу, и во всю ширь лежал пустой океан. Тоже не такое уж ласковое пространство – белые бурунчики были

видны с самолета – даже страшно их представить вблизи, оказаться в них! А каково было Колумбу, плывшему там вот внизу – и даже не знавшему, сколько еще плыть, есть ли вообще берег и удастся ли вернуться? Представил себя там, внизу... Бр-р! Вот это было путешествие! В наши дни дальние путешествия происходят, как правило, на самолетах. Но впечатлений и даже волнений хватает вполне. Я откинулся на спинку и пытался уснуть. Нельзя так уж сильно переживать. Здоровья не хватит! Успокойся! Это вовсе не бесконечный океан под тобой, а так, понарошку. Кажется, только один я, с чересчур обостренным восприятием, так переживаю... Да нет! Остальным трудней, как я заметил еще при посадке. Многие плакали, прощались-обнимались с самыми близкими, и, может быть, навсегда. Сейчас пытаются успокоиться, уснуть. Их путь – рискованнее твоего! Что их там ждет? Никто точно не знает. А если «знает точно», и об этом уверенно говорит – внутри все равно мучается: «Не сглупил ли? Все прежнее – с кровью оторвал...»

Нет, не спокойно тут! Вдруг главная стюардесса, прежде гордо ходившая между кресел с вежливо-неприятным выражением то ли надсмотрщицы, то ли в лучшем случае властной начальницы (рейс был наш, еще советский, и так ей, видимо, полагалось), вдруг чего-то по-настоящему испугалась – лицо у нее стало человеческое, но очень испуганное. Из сегодняшних лет оценю это так: в девяностые все мы жили с ощущением предстоящих крутых перемен. И что бы ни говорили тогда наши рты – чаще всего что-то умное и оптимистичное, – в животе жил какой-то страх, предощущение бездны, и уж тем более здесь, над океаном, в котором должна была «утонуть» прежняя жизнь многих – и на том берегу должна начаться новая, непонятная и тревожная. Я-то ведь тоже «летел в разведку», с тяжелой думой: может, действительно, хватит прежних мучений и унижений, надо «рубить концы» и начинать новую жизнь на новом континенте, как сделали многие мои друзья. И вон как удачно, говорят... Правда один из наших «победителей», Довлатов, только что неожиданно умер, не дожив до нашей назначенной встречи – и до пятидесяти лет. А у Бродского – уже два инфаркта. А я – как за каменной стеной! Но, может быть, уже за ней засиделся, и пора вылезать? Вот я и вылез... Но как-то зябко. И вот – это мгновенное изменение прежде надменного лица стюардессы, испугавшее многих. Но сформулировать могу я один (на то я и мастер слова) общее ощущение всех в эту минуту: уж лучше прежняя, надменная советская застылость, чем этот вполне искренний испуг из-за катастрофических изменений жизни... Зачем же мы все летим, так рискуя?

Уже довольно давно в хвосте самолета раздавались какие-то младенческие всхлипы и выкрики. Но я (как, наверно, и многие) пытался внушить себе, что это бессмысленный младенец гулькает, не соображающий ничего. С младенца что взять? Хотя именно он-то и правильно страдает, боится – это мы все задубели и ничего не чувствуем! – говорил себе я.

Да нет! Это не младенец. Выкрики становились уже вполне осмысленными: «Я не могу так больше! Мне страшно! Выпустите меня! Я должен...» Кто-то, понижая голос, как мог, его уговаривал, удерживал – но выкрики и звуки борьбы становились все отчаяннее, уже нельзя было это скрывать. И вот даже наша старшая стюардесса, «бандерша» (такое вот неполиткорректное слово вырвалось у меня от переживаний), сломалась, не смогла больше удерживать надменную маску советской начальницы – и испугалась, и кинулась туда. Встревожились (вернее, перестали уже скрывать свою тревогу) уже многие, привставали с кресел, пытались обернуться, разглядеть происходящее в самом конце самолета. Паниковал худой, лысый, с сединой за ушами мужчина в белой рубашке, сидевший на втором кресле от прохода. Плотная женщина, видимо, жена, сидевшая с краю, тоже теряла уже спокойствие, но не выпускала тонкие руки мужа из своих, пыталась их удержать. Видимо, хорошо знала его «штучки», напоила валерьянкой. Но – нет! Сейчас этот паникер вырвется, станет метаться – и нервы, вслед за ним, могут сдать сразу у многих (взять того же меня). А страшней паники

в самолете, летящем над океаном, нет ничего. «Вот как не просто происходит оно, «великое переселение народов!» – мелькнула мысль.

Сначала «бандерша» (для краткости сохраним это слово) пыталась «подавить бунт» все той же ледяной советской жесткостью:

– Гражданин! Немедленно возьмите себя в руки! Вы нарушаете правила поведения на борту! Если вы не уймётесь – в аэропорту прибытия к вам будут приняты меры административного взыскания...

Ведь раньше действовали такие меры, причем безотказно? Но уже другой контингент! Распоясавшийся! Этот гражданин, с веснушками на розовой коже, как раз и летел, чтобы вырваться из советского гнета... а гнет все еще его давил! Он вроде и хотел-то всего встать с кресла и сходить в туалет – и не разрешают! Но раз жена с таким отчаянием удерживала его – все чувствовали: она-то знает, что посещением туалета дело не ограничится, он обязательно разгуляется, распсихует всех. И все это чувствовали. Силы жены между тем иссякали, и «надсмотрщица» с отчаянием понимала, что прежние «стальные» советские формулировки уже не властны над «этими». Вырвались!.. И теперь паникуют! Многие, устав, опускались в кресла. Но вовсе не успокаивались. Наоборот, лихорадочно думали: что же делать?

Самолет еще стало потряхивать. Турбулентность? «Только турбулентности тут и не хватало! – уверен, так подумал не один я. – Турбулентности не заказывали!»

По проходу, слегка покачиваясь, быстро прошла вторая стюардесса – помоложе и, я бы сказал, попривлекательней. «Пышка», мысленно назвал я ее. Такое восприятие поднимает дух, и не только! Ну, «пышка», давай! Покажи себя!

Опять же – это почувствовал не только я: многие мужики посмотрели ей вслед с веселой надеждой: «Вот это – настоящая баба! Сообразит!»

Перед тем как ринуться в хвост, она, «аппетитно» привстав и чуть выгнувшись, открыла верхнюю полку и вытащила чемоданчик с красным крестом. Многие вдохновились этой картиной... могла бы и подольше так постоять. Но нельзя. Вопли не утихали – вовсе наоборот. Старшая «мегера» (как-то я необъективен к ней) уже шла обратно, оставив «клиента» в уже слабеющих руках его жены, и, сойдясь на минутку с «пышкой», сказала ей что-то отрывистое и злое. Скомандовала! Все-таки хочет показать, что она главная (хоть и не справляется!). Что она «тявкнула» нашей любимой «пышке»? Наверняка что-то тяжелое и несправедливое, типа: «Требую немедленную вынужденную посадку... И ты будешь за это отвечать!» Но наша «пышка» не дрогнула. Закалка у нее тоже есть. Она что-то ответила – как бы послушно, но уже с тайным торжеством. Я услышал примерно: «Хорошо, Марья Владимировна! Я попробую что-то сделать!» И пошла с «красным крестом» в руках. Теперь все с надеждой смотрели ей вслед. Мужчины, при этом «сканировали» и ее дивные ноги: важный фактор в данной ситуации. Пышка подошла к креслам «паникеров» и сделала дивной своей ручкой уверенный жест жене: «Вставайте! Освободите место». Мол, вы свою роль уже сыграли (причем неудачно), теперь – я. Жена вскочила возмущенно: «Вот она, награда, за все мои мучения!» И вдруг, стоя в проходе, стала демонстративно курить! Вот вы справляйтесь, справляйтесь, как можете – а я пока покурю!» Тоже бунт! Или тогда еще разрешалось в самолетах курить? Кажется, да – причем, кажется, именно только в хвосте. «Ну покури пока, покури!» Пышка уверенно села к ее мужу, на ее нагретое и даже перегретое место, к «разбушевавшемуся» клиенту... И что же? Оказалось, что его и за руки даже не надо было держать! Сидел как миленький. Вот именно, «миленький». Именно это «слово из чудных ее уст» его и расслабило. Ласково говорила, гладила по плешивой голове... И всё! Нет, не всё! В «Аэрофлот» берут только самых волевых! Послышался «чпок» открываемого чемоданчика (с красным крестом), щекотно запахло лекарством, еще спиртом. Бодрящий запах! «Сейчас, миленький!» – нежно выдохнула она. И «всадила». Брякая бутылочками и шприцами, собрала свою коробочку – и уверенно встала. И властно указала нервно курившей

жене на освободившееся место. «Прошу!» При этом, кажется, сделала жене замечание за курение (тогда еще ограничивались замечаниями. Уверенность, что можно не курить десять часов, тогда еще не овладела массами). Жена что-то нервно ей ответила (быть может, поблагодарила?) и, вдавив окурок в какую-то свою железную баночку, села. А куда деться? «Клиент», ее муж, мирно спал со сладкой улыбкой на устах. Надеюсь, проснется? Жена, вздохнув, достала платок и вытерла ему слюни...

«Пышка» повернулась и победно, как по подиуму, пошла по проходу, держа перед собой чемоданчик с красным крестом, словно приз. Сначала некоторые, а потом уже все дружно зааплодировали, глядя ей вслед. Да, и ноги ее заслуживали аплодисментов! Каково было слышать эти овации «старшей», Марье Владимировне, в их каморке возле кабины пилотов? Но что делать? Меняются времена – и вперед выходят другие люди!

Настроение в салоне поднялось. Теперь это были не разобщенные пассажиры, волнующиеся поодиночке – образовалось общество, аудитория, требующая новой «пищи»! «Шоу маст гоу он!» – как пел тогда суперпопулярный солист. Пора уже на английский переходить. Чай, к Америке уже подлетаем, а на монитор как-то даже перестали глядеть. «Шоу должно продолжаться!» – все знали и перевод. Были уже не пассажиры – а разохотившаяся публика. И должен быстро явиться новый «солист», сплотить массы. Времени-то, наверное, в обрез уже? Я поднял шторку иллюминатора... Бац! Опять какая-то изрезанная ломтями земля, и не земля даже, а ослепительное сияние снега и льда! Мы поднялись по глобусу еще севернее? Зачем?! Представлял бы заранее этот путь – еще подумал бы! С таким ужасом в душе прилетать и начинать – там, где и само по себе все мучительно сложно? А ведь многие, как понял я на посадке, летели туда навсегда, покинув родные берега, чтобы видеть вот эти ледяные пространства? Сурово Америка нас встречает. Новое оледенение, что ли, началось? Ньюфаундленд – наконец вычитал я на мониторе. Как-то я не так его представлял, да и вообще не готов был к Ньюфаундленду. Это же самый северный кончик Америки! Специально над дикими землями летят? Напрямик через океан опаснее, что ли? Какая забота! Но в чем безопасность? Если тут грохнемся... то что? Не повредим ни одного населенного пункта? Это замечательно! Уже столько часов – и абсолютно пустая планета. Даже страшно на такой жить. Спрятавшись в своих городишках, не хотим даже видеть, на какой страшной, пустынной планете мы живем. Единственное, что может утешить, – другие планеты, видимо, еще страшней. И с таким «бодрым чувством» начинать тут «новую жизнь»?

Нужна какая-то «новая песня!» И нашлась. Сидевший рядом со мной молодой пузатый мужчина как-то больно уж весело поглядывал на меня. У нас что, возникли какие-то отношения? Потом он вдруг, усмехнувшись, встал, закрыв своим животом все пространство в салоне, спустил из багажного отделения плотный рюкзачок, поставил на свои мощные колени. И снова как-то озорно глянул на меня... Что ему надо? И вдруг он вытащил из рюкзачка и поставил перед собой на колени белую... кипу кип! Надеюсь, вы правильно меня понимаете? Хотя я и сам сначала не очень все понимал. С нашего пионерского детства мы знали скороговорку: «Купи кипу пик». Но тут слегка по-другому... Предлагал, видимо: «купи кипу кип?» То есть еврейских религиозных шапочек, похожих на тубетейки? Но мне-то они зачем? Мне, к сожалению, и одной много. Он вдруг снял одну, верхнюю, подержал пятерней и, помедлив, надел ее... на себя. И посмотрел на меня как-то совсем уж задорно!.. Чего пристал? Собрав всю волю в кулак, понимая всю некорректность моего поведения, я все же отрицательно покачал головой. Нет, я летел не затем. Улыбнувшись слегка снисходительно, он вдруг с легкостью, неожиданной для его комплекции, поднялся и, держа перед собой «кипу кип», пошел по проходу – и, хотя шатало, он удерживал свою «пирамиду» в равновесии. Свободных мест было полно – салон был заполнен едва наполовину – и мой бывший сосед садился то в один, то в другой ряд. Доносился разговор... хохоток – и на голове очередного пассажира появлялась белая кипа. И вот в белых кипах уже все головы

за редкими исключениями... я чувствовал себя черной вороной среди белых. Да-а! Процесс ассимиляции идет вовсю. А ведь только что были советские люди, пусть и бывшие, и вот... «чпок!» «Нулевые годы», массовый отъезд. Вот так, на лету, одна идеология сменяет другую! Как оно новообращенным?.. Волнительно? Впечатлений, конечно, не как у Колумба, но для наших нервов – вполне!

Под иллюминатором – глухая тайга без просвета, и вдруг у нижнего края выпрыгнули буквы – Нью-Йорк! Где? В этой «тайге»? Ну, Америка! Изумила меня намного раньше, чем я приземлился.

На экране теперь ползли изрезанные берега, и вдруг два могучих небоскреба появились из облаков, почему-то в диком наклоне... И снова – облака. На экране – изрезанное побережье, месиво островов! Как тут выбрать нужный?

Вроде разобрались. Внизу замелькали ангары, потом (еще непривычное для нас в те годы) забитое машинами шоссе.

Решительно опускались. Душа замерла... Стукнулись, покатались. Всё!

Аборигены

Шли пешком по жаре, вошли в здание. И тут же – «культурный шок». Могучая, два на два метра, негритянка в полицейской фуражке утрамбовывает могучим животом в маленькую боковую комнатку без окон всех «беспаспортных» (то есть не имеющих американского паспорта) – для того чтобы свободно могли пройти к себе на родину «настоящие американцы» с синими паспортами. Расхристанный мулат с косичками... измученный, слегка зеленоватый хиппи... А мы стоим, прижатые, с Голышевым, великим переводчиком (только что с ним познакомились), старым другом Бродского, столько сделавшим для перевода американцев на русский язык. Вот она, Америка! Права – в первую очередь! Но не для всех.

– Аборигены! – насмешливо говорю я Голышеву, кивая на хиппи. А что еще остается? Наконец выпускают и нас, изрядно помятых.

У пропускной стойки дежурный спрашивает, почему-то медленно-украински:

– Вольна е?

– ...Нэмае!

И я оказываюсь в Америке.

И вот – сутолока и гвалт аэропорта имени Кеннеди. Из переполненного зала – выход в тесный, жаркий, пробензиненный подземный тоннель... Плотный старичок в шоферской фуражке бежит, размахивая табличкой с нашими фамилиями. С нами еще и Таня Бек, московская поэтесса, тоже приглашенная Бродским на семинар в Новую Англию, как и мы. Поздоровавшись, полезли в автомобиль. Вот это машина! Фуражка шофера кажется маленькой где-то далеко впереди... Но какой приятный ветерок, кондишн... и сразу находит сладкая дремота. Ну, не спи же! Разуй глаза! Мы выезжаем из тоннеля в Нью-Йорк!.. Но вместо небоскребов – какие-то дачные домики. Это, кажется, я говорю вслух.

– В этих «дачах» они живут круглый год! – глухо (уши еще заложены) доносятся до меня слова Голышева.

Негритянка с крыльца вытряхивает одеяло... И – весь Нью-Йорк? Мы вкатываем на гигантскую развязку – и вокруг только машины, более ничего. Салют, Америка! Мчимся.

Короткий сон. И – резкое пробуждение. Сколько времени прошло? Мы – в глубоком шоссе, прорубленном среди мощных скал, наклонные, параллельные шрамы-царапины по серому ровному граниту. Даль впереди обозначается убывающими к горизонту золотистыми светящимися двойными воротиками – буквами «М», обозначающими «Макдоналдсы»... Но об этом я узнал позже. А пока, любясь ими, заснул.

Пробуждение: стрекотание ссохшихся листьев под шинами – акустика уже другого пространства, мы вдоль высоких пятнистых деревьев подъезжаем к деревянному домику, шофер выходит, крутит ключ в дверях, мы входим в душноватое помещение, карабкаемся наверх. Крохотная гостиная. Стол. Скамьи. Небогато. Рухнуть бы да поспать. Тут утро, вечер? Надо посчитать. Есть и электрочайник тут! (Для наших девяностых – полное ноу-хау.) Чего тебе надо еще? Разводят нас по «пеналам». И это все, для чего ты летел? Вскикиваю. Выхожу в общую комнату. Голышев говорит на английском по телефону. Таня с ним.

– Профессорша наша завтра утром появится. А пока, говорит, отдыхайте! Иосиф тоже завтра подъедет! – Голышев зевает.

– Я, пожалуй, вздремну! – говорит Таня.

– А я – нет! – Я встаю.

Столько промчаться – и тут вдруг сломаться!

– Пойду!

– Только смотри не потеряйся! – заботится Голышев.

– Да где же? Тут не Нью-Йорк! – улыбается Таня.

– Он может! – слышу я Голышева.

Откуда тот знает? И я выхожу. Тут не Нью-Йорк. Тут прелестный «кампус». Просторные лужайки, на них какие-то незнакомые могучие белые деревья с длинными горизонтальными ветвями (местные белые дубы, как я узнал после). Сладкий запах засохших листьев. Американская осень. «Коннетикат-Калладж».

Волнуясь, выхожу за ворота. Первые мои самостоятельные шаги в Америке. Аккуратные, полусказочные домики... но уже доносятся из-за них грохот и свист. И уже напирает ветер, тяжело идти. Но это и подходит как раз к моему теперешнему состоянию. Вперед! Не сдаваться!

Завтра приедет наш друг Иосиф. Зачем вызвал нас? Посмотреть? По-доброму? Или свысока? Ну что ж... Посмотрим! Голышев еще в машине рассказал, что вызвали нас по особому случаю. Здесь учатся в основном богатые дети. И одного из них убили в Нью-Йорке, в баре. Но его отец – американец настоящий – не утонул в этом горе – а учредил фонд имени своего сына. И когда Иосифу, уже лауреату, предложили провести первый семинар, он пригласил нас.

– Закаляйся, друг! – говорю я себе. – Борись с ветром!

И вот обхожу последний роскошный дом, красующийся на взгорке, – и сразу пытаюсь отодвинуть от себя упругий напор ветра: ладонью толкает, валит с ног. Если расставить руки и распахнуть рот – надувает, как шарик. А океана – нет! «Толкотня» высоких дюн – океан должен быть за ними, передвигаюсь вверх-вниз.

Где же океан? Хотелось бы встретиться с ним «нос к носу» – а не только с лишь с самолетной высоты. Где-то вот здесь, озираюсь я, высадились с корабля «Мэйфлауэр» первые поселенцы, преодолевшие океан – и составившие потом американскую знать. И вот теперь я преодолел океан и стою здесь. Где же они высадились тут: кружево островов, до горизонта... Не беспокойся так за них! Высадились, судя по всему. Но чего ж ты так нервничаешь? Из-за Иосифа, что ли? Да. Раньше учили нас: «Делать жизнь с кого? С Держинь-ского!» А теперь вот он, Бродский, «наше все». Во всяком случае для уехавших – точно. Но и для нас – тоже. Соберись! Покажи, что и мы не шелуха... Нас ветром не сдуешь!

Двигаюсь. Еще один шок: на макушках дюн, сперва редко, а потом уже сплошь стоят какие-то безумные люди, растрепанные, почти растерзанные ветром – заросшие мужчины, но есть и длинноволосые женщины – и, яростно жестикулируя, что-то орут в шуме океана, воюя, что ли, с ним? Я оглядываюсь на красивый дом на горе... Оттуда, что ли? Выпустили проветриться, разрядить безумие в борьбе со стихией? Нет, к Америке никогда не привыкнешь, здесь все не так!

Наглотавшись песку, дохожу наконец до воды... Нет океана! Так, озерца. Чистой воды, огромного пространства, простирающегося до самой Европы, не увидел я! Отплювываясь от песка во рту, вернулся. Здесь все не так!

– Что там, на горе, сумасшедший дом? – спросил я Голышева, пьющего чай.

– Да нет! – почему-то радостно произнес он. – Хотя поначалу кажется так. Знаменитейшая театральная школа, организованная еще Юджином О’Нилом! Актеры!

– А чего они... на горках орут?

– Голос развивают. И душу.

Я тоже там побывал!

– Но дикое впечатление.

– Аборигены! – говорит Голышев.

Явление Бродского

Утром, быстро побрившись, выхожу в «общую». Наша американская профессорша Елизабет Рив говорит по телефону, машет мне рукой – и продолжает:

– Уже выезжаете? Да, все здесь. Скоро увидите.

От волнения я ухожу от домика, брожу в каких-то пыльных кустах... Ну и что из того, что был твоим приятелем, а стал нобелевским лауреатом? Бывает!

Возвращаюсь в домик. Появляются красивые, аккуратные студенты – руссисты «Коннектикат-Калладжа», говорящие по-русски. Так называемое неформальное общение – спрашивают нас про жизнь. Вдруг Голышев, сидевший лицом к окну, произносит:

– О! Его зеленый «Мерседес»!

И вот в прихожей (она же кухня) прозвучал быстрый скрип шагов и абсолютно вроде не изменившаяся картавая речь. Ну что он там застрял? Кофе с дороги? Я понимаю, что волнение – не только от предстоящей встречи с Гением, но и от еще более нервной встречи со временем. Проходят десятилетия, и все вроде бы не меняется – а вот сейчас тебе предстоит отразиться в зеркале времени и увидеть, что оно делает с нами. И вот он входит, располневший, улыбающийся, и произносит – слегка картаво, как всегда:

– Валега, пгивет! Ты изменился только в диаметре!

Теперь в нем уверенность и твердость – прежней дрожи не ощущается. Одет он абсолютно небрежно – в какую-то размахайку цвета хаки, в каких у нас ездят на рыбалку... Его высокая, породистая молодая жена из старой русской эмиграции, смешавшейся с итальянской, по-русски вроде и не говорит – во всяком случае, ничего не произносит. Ну ясно, она ценит Бродского теперешнего – и зачем ей все эти смутные, нервные, тяжелые питерские воспоминания, которые привез сюда я?

Перед выступлением мы расходимся по комнатам. Да, интересно колдует время! Вспышки-воспоминания... Вот встреча на углу Кировной... В шестьдесят каком-то году. Он с первой своей любовью, тоже высокой и красивой, Мариной Басмановой.

«Привет, Валера! Мне очень понравились твои рассказы в «Молодом Ленинграде». – «А, чушь!» – говорю я. Я тоже мог бы сказать, что мне «очень понравилось» его единственное, странное, непонятно почему отобранное из всего равнодушными составителями стихотворение в том же «Молодом Ленинграде» (и, кстати, первое и последнее, напечатанное здесь)... но это же смешно. Только усмехаться и можно над тем, как и что у нас тогда печатали! Тяжелые, нервные годы – но образовались мы именно тогда, хотя и не представляли еще, что будет с нами.

Тут я, спохватившись, снова вижу себя в белой американской комнате. Сколько времени? Кидаюсь вниз – и оказываюсь в странной пустоте и тишине. Никого! Бегу. Стриженные лужайки, сверху занавешенные от солнца знаменитыми белыми дубами – изображенными

даже на гербе штата Коннектикут. Небо ярко-синее, за лужайками – белые деревянные дома. Осень. Коннектикут.

Нахожу серые административные здания, за ними – огромное зеленое поле, по краям – радостно орущая молодая толпа; разные цвета по разные стороны: помню, ребята говорили, решающий матч!

Вхожу в аудиторию, на двери – небольшая афиша с нашими фамилиями. Да, народу поменьше, чем на футболе. Бродский уже на кафедре – и как раз читает самый любимый мой стих. Что так действует – голос, все больше набирающий силу? Или слова?

Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок и кликуху гвоздем в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал черт знает с кем во фраке.
С высоты ледника я озираю полмира,
трижды тонул, дважды бывал распорот.
Бросил страну, что меня вскормила.
Из забывших меня можно составить город.
Я слонялся в степях, помнящих вопли гунна,
надевал на себя, что сызнава входит в моду,
сеял рожь, покрывал черной толью гумна
и не пил только сухую воду.
Я впустил в свои сны вороненый зрачок конвоя,
жрал хлеб изгнанья, не оставляя корок.
Позволял своим связкам все звуки, помимо воя;
перешел на шепот. Теперь мне сорок.
Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.

Была тишина, потом – овация. Потом он снова начал читать этот стих – по-английски.

Через полчаса намечалось новое выступление – и мы прилегли на краю футбольного поля. Футбол – бушевал, публика – ревела. Да, трудно тут побеждать. Но надо стараться. Надо бы сказать Иосифу самое важное, но при установившемся приятельском тоне пафос не проходил.

– Ну что? – спросил Гольшев. – Сходим, передохнем?

– Да нет. Леню! Тут поошиваемся! – сказал Иосиф.

– ...хата есть, да леню тащиться! – процитировал я другое мое любимое его стихотворение.

Иосиф улыбнулся. Ну хотя бы так продемонстрировать, как мы все его ценим и любим.

После второго выступления мы остались сами с собой – даже профессорша наша, всем поулыбавшись и выдав конверты, ушла.

– Как-то вот так тут... без экстаза! – Иосиф объяснил нам правила здешней жизни.

Запросто, «демократично», сказал бы я, заходим в шумную пиццерию. Встаем в очередь.

– А нельзя с лауреатом без очереди? – спросил я.

Он усмехнулся:

– Это только у вас!

– А вон в ту пиццерию, через дорогу, нельзя? – предлагаю я. – Там пусто!
– Э, нет! – усмехается Иосиф. – Тут меня знают все, а там – никто!

Мы садимся с пиццами.

– Да, – произносит он. – В первый раз я выступал здесь за пятьдесят долларов!

А теперь (по его требованию) всем нам – по полторы тысячи, как ему! Так и не успел его как следует поблагодарить... Вечером мы сидели в комнате Голышева, уничтожая привезенные нами водочные запасы. Иосиф разгорячился – вспоминали друзей, улицы, дома, где жили разные потрясающие типы.

– Ничего – после инфарктов твоих? – спросил Голышев, открывая вторую бутылку.

– А! – Иосиф махнул рукой.

Супруга его, которая так и просидела весь вечер словно мраморное изваяние, вдруг встала во весь свой гигантский рост, четко, без малейшего акцента произнесла:

– Мудак! – и вышла из комнаты.

Мы были в шоке! На кого это она так? Ну что ж, пора, видимо, расставаться!

Уже в полусне появилось: солнечный школьный коридор – и рыжий картавый мальчик что-то возбужденно кричит, машет руками. Так я впервые увидел его.

«Мне кажется, мы хорошо пообщались, без понтов!» – с этой мыслью я засыпаю.

...Проснулись мы рано – но Иосиф уже уехал.

– Сейчас мчится уже по «хайвею» в другой университет! – говорит Голышев. – Такая жизнь – приходится крутиться!

Я вспоминаю обшарпанный «Мерседес», более чем демократичный наряд Иосифа... Может, это вовсе не пижонство, как вначале подумал я, а суровая реальность?

– А как же Нобелевка? – спрашиваю я.

– Иосиф – настоящий русский интеллигент! – усмехается Голышев. – Умудрился получить Нобелевку именно в тот год, когда она была минимальной!

– Это по-нашему, – сказал я.

Американский футбол

До отлета я еще успел побывать в Нью-Йорке и повидать нескольких бывших земляков, по которым соскучился. С москвичами я расстался при въезде в Нью-Йорк. Сначала вышла Таня, как только мы съехали с высокого виадука, в начале забитой машинами улицы, улыбнувшись и помахав. После этого водитель – старичок в шоферском кепи – как-то строго посмотрел на меня. Что-то я уже делал не так? Я протянул ему написанный по-английски адресок моего нью-йоркского друга Ефимова, который собирался тут меня приютить.

– Ноу! – отрубил вдруг шофер и вернул мне бумажку.

– Как это – «ноу»?

Я был потрясен. Элизабет же сказала нам, что нас довезут. Но не сказала, правда, куда. Голышев взял из моих рук листочек.

– Это чей адрес?

– Ефимова. Он мне написал, что можно к нему.

– Нью-Джерси! Это даже не Нью-Йорк. Другой штат. Далековато. Две речки переезжать. Для Нью-Йорка в этот час – нереально. Увязем надолго.

– Как-то странно: любимого друга обнять здесь, выходит, проблематично?

– Еще как! Другого адреса, попроще, у тебя нет?

Хорошо, что у меня было много друзей в Питере, оказавшихся теперь здесь! Другого друга достал. У меня, как у шулера, полная колода друзей!

– А! Вот это более-менее реально: Квинс! – одобрил Голышев.

Дал мою бумажку водителю – и он буркнул:

– Йес.

Поехали. Пока напоминает больше нашу улицу Мориса Тореза, «точечные дома». Гро-
мыхает метро, вылезшее наверх. Но такое и у нас есть! Похоже, так я и не увижу настоящий
Нью-Йорк с его небоскребами – как герою повести «Москва – Петушки», несмотря на все
его старания, так и не удалось увидеть Кремль.

– А вот это дом Довлатова! – показывает Гольшев на дом вдальеке.

Стандартная новостройка – хотя уже и не новая. Вот где прошла его бурная американ-
ская жизнь!

– А на кладбище нельзя заглянуть? – вырвалось у меня.

– Знаешь, – сказал Гольшев уже с досадой, – тут не «заглядывают!» Тут едут. Причем
с большими проблемами. Сиди и не рыпайся. Не сбивай!

И вот еще точечный дом, и мы вдруг останавливаемся.

– Ну, давай! – говорит Гольшев. – Твой дом! А меня Иосиф где-то в Бруклине поселил
– надо доехать.

– Пока! – Я выхожу.

«Пока» тут скорее звучит как «прощай».

– Там, наверное, «доормен»... – высунувшись, говорит Гольшев. – Ну как бы вахтер.
Сможешь объяснить?

– Офф коуз!

И я остаюсь один. Поднимаю голову. Та же «не новая новостройка»! Никакого дормена
нет. Но и лифт почему-то не спускается. Какой-то ключ, наверное, надо вставлять? За грани-
цей всегда что-то надо знать, чего ты не знаешь! Есть ощущение нереальности, «того света».
Чистая лестница, с цветами на площадках, кажется уже раем: можно и пешком.

Открывает Вика.

– О! Я слышала, что ты здесь, гуляешь с Иосифом, но уж никак не чаяла, что
появишься!

– Ну как же! – восклицаю я.

Не говорить же, как было дело! Темновато и тесновато, по сравнению с их квартирой
на Петроградской.

– А Михаил где?

– На работе, где же еще, – говорит хмуро.

Растопим лед!

– О! – грохаю бутылкой об стол. Таких бутылок с зажигательной смесью несколько у
меня!

Но разговор не зажигается.

– Удостоился, значит? – говорит Вика.

– Чего?

– Великого нашего лицезреть.

– Да он нормальный! – восклицаю я.

– Ну да! – усмехается Вика. – Дома у него теперь знаешь как? Во главе стола сидит
он, рядом – предыдущие лауреаты Нобелевской, за ними – будущие лауреаты. Дальше –
лауреаты других премий, а нас, грешных, в самом конце, если место найдется!

– Да мы валялись с ним на траве!

– Надо было тебе скосить ту траву и засушить! Потом выгодно продашь.

Пора кончать эту мороку.

– Ну, за встречу! Давай.

– Милая русская привычка – пить с утра! – усмехается Вика. Меня, честно скажу,
больше интересовала закуска. – Может быть, как у вас говорят, «руки помоешь»? – предла-
гает она.

– Я вообще мытьем рук не увлекаюсь... Но ладно!

С некоторым усилием все же встаю. Здесь все «на преодолении». Другой мир. Вода в унитазе стоит «на самом высоком уровне», почти у самого его края – крайне непривычно, даже неловко! Душ торчит из стены твердой палкой, два раза жажнулся башкой, пока мылся.

Вика встречает меня криком, когда выхожу:

– Валера! Ты что, с ума, сошел? Закрой сейчас же окно! Негр по пожарной лестнице взлетит, схватит твою сумку, ты и не увидишь его!

Вешаю тяжелую сумку себе на шею. Вика тут улыбается:

– Ну ладно уж, сними!

Чуть выпиваем.

Потом я открываю тетрадь с записями. Отсюда мы и начнем захватывать Нью-Йорк!

– Кстати, звонки тут платные, – вскользь замечает Вика. – Какая-то очень сложная система, я еще не освоила!

– Но можно хоть Ефимову позвонить?

– А-а-а! Так это ты к нему ехал?

– Ну почему?! Сперва к вам! А дальше уж...

– Ну давай.

Как-то по-сложному набирает номер. «Только недолго!» – это она не говорит, но я уже чувствую.

– Валера, это ты? – кричит в трубке Марина. – Игоря нет! Ты где?

Наши – или так мне показалось – от непривычки разговаривают по телефону тут с некоторым напряжением, почти кричат... словно пытаются докричаться «через две речки».

– Привет, любимая!

Может, зря я так говорю при Вике? Но я со всеми так говорю.

– Ты что? Не смог доехать? – кричит в трубке Марина. – У Беломлинских? Ладно. Когда Игорь приедет, позвонит Мише. Ты тут все равно ни черта не поймешь – поэтому не объясняю! – Она смеется. – Ну ладно! Долго не могу говорить!

Помню, как уютно и обстоятельно мы обустроивались в кресле перед телефоном, готовясь к долгой беседе!

– Пока!

Рассматриваю свои записи, планы «захвата Нью-Йорка».

– Хорошая у тебя записуха, Валера! – усмехается Вика. – Но у Довлатова она была больше раз в шесть. Амбарная книга! И там буквально по минутам было расписано – куда поехать, кому позвонить, даже как разговаривать: «застенчиво», «туповато», «высокомерно». Скажу тебе, ты его вообще не знал. Он и там так же притворялся недотепой, как и здесь. А на самом деле! У меня была уже четкая договоренность – работать на радиостанции «Свобода», вдруг на моем месте – Довлатов. И звонит мне, и представляет это событие как цепь нелепых случайностей! Ну просто «сам не понимает как». Но я не стала играть в эту игру, в которую он всех завлекал. «Ты хитрый армяшка!» – так и сказала ему, хотя и сама наполовину армянка.

«Ну как же так? – думаю я. – Человек ведь только что умер – и так о нем! Да, раньше у нас до такого – во всяком случае, в нашем кругу – не доходило! Все мы были союзники, единомышленники, друзья! Но здесь, видимо, так не проживешь!»

Вика, как всегда, красивая и решительная, принципиально говорит только об Америке – хотя и не всегда самое приятное. Все мои попытки передать от кого-то приветы, что-то вспомнить хорошее, ею сурово пресекаются на корню. О прошлом говорить бессмысленно, теперь все – здесь! Она сосредоточена и мрачна.

Брякает дверь, появляется Михаил. Мы здороваемся, обнимаемся – но без всяких шуток-прибауток, как бывало. Веселье тут как-то не прижилось. Где его золотые кудри торчком, веселый, победный курносый нос, озорной взгляд?

– Я шагаю с работы, усталый! – произносит он строчку из песни, которую раньше он пел весело, слегка насмешливо. Сейчас усмешка печальна.

– Девятьсот долларов платим за эту квартирку! – сообщает он как первую новость.

У нас он был самым обожаемым детским художником, его веселые персонажи поднимали дух.

– Рисуешь?

– Служу! В газете «Новое русское слово»... Метранпаж!

– Что это такое?

– Только тут впервые и узнал. Набор, в общем. А рисунки... редко.

Открывает газету – на последней странице – его вполне узнаваемый рисунок – но без обычного озорства. Обнаженная женщина, слегка в веснушках, обозначена контуром, на лугу, в цветах.

– Реклама фильма!

– А. Хорошо!

– И я так думал! И вдруг пришли в газету сотни возмущенных писем от американцев: «Разрушаю устои!»

– Правильно! – говорю я. Мы чокаемся. – Разрушай, разрушай! Пусть знают наших!

– Так не хотят! – нервно вступает Вика. – У них норма. От русских – один! Так же, по одному, от других национальностей. Всем – «равные права». На похоронах Довлатова вообще не было ни одного американца! Иосиф – первый. Серега – уже второй. И им он уже не интересен. Вот так.

– Ну зачем, Вика, ты так говоришь? – возражает добродушный Михаил. – Может, и были американцы на похоронах – мы ж не опрашивали.

– Нет! – чеканит Вика. Красавица! Гордый кавказский профиль. – Знаешь, как тут? Без сантиментов. Если хочешь что-то значить – вытесни другого! Ты покажи Валере свой рисунок, покажи.

Миша открывает газету. Карикатура! Раздутый, как аэростат, Довлатов, висит над толпой, пальцы руки и ног накачаны, как сардельки. Под ним восторженная толпа. За ниточки держат раздутого ими же и куда-то тащат. Вдохновенные лица...

– Это, что ли, первые, Генис и Вайль?

Миша кивает, вздыхает.

– После этой карикатуры поссорился с ними, с Довлатовым – я уже не говорю, теперь со мной не общается и его вдова. Вот такое «веселье»!

– Да.

Выпиваем.

– Он, вообще-то, не к нам, он к Ефимовым ехал! – сообщает Вика.

Что же такое тут?! Почему злые?

Миша встает.

– Ну давай, Валера. Отвезу!

Нет человека добрее и ответственнее его!

– Ты с ума сошел, Миша? – кричит Вика. – Это же в Нью-Джерси! И ты выпил...

– Ладно, Миша! Отдыхаем, – говорю я. – Ефимов сам прорежется.

– И думаешь, он за тобой приедет сюда? – распаляется Вика. – В Нью-Йорке такое нереально!

Что же это за Нью-Йорк такой?!

– В лучшем случае, – произносит Вика, – он согласится забрать тебя где-то в центре.

– Передача мяча! Американский футбол! – Я смеюсь. – Национальный спорт!
Для этого я, наверное, и приехал, чтобы ощутить!

– Как бы тут не забросили тебя, словно мяч, куда подальше! – усмехается Вика.
Да. Тут не расслабишься.

– Ну ладно, Викуся! – вздыхает Михаил. – Не пугай нашего друга. Зачем это ему – он ведь скоро уедет.

С завистью произнес? Приходит Юля, их дочь. Держится бойко, по-американски: «Все о'кей!»

– Валера! – фамильярно обращается ко мне (я ее еще в люльке помню). – Ты не мог бы Иосифу позвонить?

– Но... зачем?

Оказывается, знаменитый молодой актер Михайловский тяжело заболел, собирают деньги.

– Ну попробую... Алло! Иосифа можно... Спрашивает... Попов.

– Валега, пгивет! Как дела?

Не надеялся, больше услышать его голос. Излагаю вопрос.

– Ладно, я подумаю, – нетерпеливо произносит он. – У меня другое к тебе. Ты же выступал с книгой! А я у тебя ее не взял. Спихватился, когда мчался уже по хайвею. Ты Петю Вайля увидишь? Передай книгу ему, ладно? Хочу ее тут кое-кому показать. Договорились? Ну пока.

Вешаю трубку.

– Ну что... – произношу, всех оглядывая. – Он вроде бы добр?

Хотя пот у меня на лбу почему-то выступил. Вытираю.

– Он добр к друзьям, которые приезжают сюда ненадолго! – чеканит Вика. – А кто постоянно тут путается под ногами – в бараний рог!

Да... светлые мои представления о верной дружбе лихих ребят, вместе завоевывающих новый мир, постепенно темнеют. Застенчивый (в ранней молодости) Иосиф, как я тут узнаю, безжалостно размазал всех, кто составлял ему хоть какую-то конкуренцию. Своими высокомерными отзывами буквально стер с лица земли кумира нашей молодости Васю Аксенова, превратил его в ноль в глазах местной элиты – и тот уже не поднялся.

Позже Фазиль Искандер рассказывал нам, как он в день присуждения Бродскому Нобелевской премии оказался у Аксенова в Джорджтауне, под Вашингтоном. Василий Павлович лежал с мокрой тряпкой на лбу. Увидев Фазиля, произнес жалобно:

– Ну ты слыхал? Может, хотя бы теперь этот гад отцепится от меня?

Да-а! В больших играх головы отрывают! – понимаю я... Но мне, может быть, удастся ускользнуть.

Звонит телефон.

– Ефимов тебя берет! – поговорив, сообщает Миша.

– Сюда приедет? – наивно, весь еще в иллюзиях, радуюсь я... Игорек, старый друг!

– Нет. Передача на ходу. Увидишь этот трюк! – Михаил поднимается.

Понятно. Американский футбол. Передача мяча – с дикой скоростью, из рук в руки. Я – мяч.

– Заодно проведу тебе экскурсию по городу, – улыбается Михаил.

– Ну, увидимся? – говорю я Вике. – У меня выступление в четверг.

– Наверяд ли! – И добавляет, смягчаясь: – Не пропадай!

– Ничего! Может, еще увидитесь! – говорит Миша. Нет человека добрее него!

– Может, поедем, Вика? – дружески (ведь мы же друзья) спрашиваю я. – Нью-Йорк посмотрим!

– Зачем? Я же не на экскурсии здесь! – отвечает Вика надменно.

– Ну...

Подхожу к ней. Обнимаемся – с чувством, что не увидимся больше никогда. Находясь в одном городе – я неделю еще тут... «А зачем?» – суровый американский вопрос.

Мы проезжаем на Мишиной «Тойоте» через «сравнительно приличный» (по словам Михаила), но скучноватый Квинс.

– Бесится Вика! – вздыхает Михаил. – После смерти Довлатова на радиостанцию «Свобода» опять не ее взяли, а Марину Рачко!

– Жену Ефимова? – Я потрясен. Так Вика еще сдерживала свою ярость – зная, куда я направляюсь. Как тут, оказывается, все напряженно. – А ты как же? – вырывается у меня.

– Что – как? – Миша передергивает рычаги управления.

– ...К Ефимову меня везешь.

– Если начать со всеми счеты сводить – руины останутся! – вздыхает Михаил. – Пусть хоть меня не боятся!

Так вот кто «ангел Нью-Йорка», сохраняющий остатки добра! Вот что Михаил здесь делает, понял я. Честь ему и хвала!

...А карикатура на Довлатова? Все мы не безгрешны! Но Миша тащит меня через Нью-Йорк! Не старинные (тут старинного вообще нет), но старые трехэтажки из голого красного кирпича, с ржавыми пожарными лестницами по фасаду и огромными пожарными бочками на плоских крышах.

– Вот наша главная достопримечательность! – вздыхает Михаил. – А небоскребов тут так... горстка! Черт! Хотел побыстрее – а вышло медленней! – восклицает Михаил.

Мы застряли прочно в стаде машин в каком-то диком месте. Да, у нас, при всем упадке, такого нет – обшарпанные дома, окна с кусками стекол, а за ними – лица!

– Да! – вырвалось у меня. – Теперь мне ясно, где надо тут жить, чтобы чувствовать себя неудачником!

У нас тоже тоскливо, но таких четких «провальных районов», как в Нью-Йорке, у нас пока нет.

– Да-а! С этим у нас хорошо. В смысле – плохо, – вздыхает Михаил.

Только благодаря пробке и образовалось время для разговора. Нет худа без добра?

– Да-а, – говорит Михаил. – Здесь называешь адрес – и с тобой все ясно. Потому все и напрягаются, чтобы хоть чуть подняться по жилью – а то на работу не возьмут! Адрес определяет. Квинс, Манхэттен, Бруклин? Еще рассматривают. Но не дай бог – Гарлем или Южный Бронкс: такое даже не рассматривается. И даже если Манхэттен – многое важно: «А какая именно стрит? Вест или ист?» Люди делятся на сто категорий, сто ступенек. Стараешься вверх, а получается – вниз. Реноме каждого района может вдруг резко поменяться, с плюса на минус: смотря куда капиталы пойдут! Так что адрес твой стоит у тебя на лбу, как клеймо!

«Неужели и нас ждет такое «четкое будущее»? – с отчаянием думаю я. – И придет оно – всех расщелкивая «по своим лузам». И уже не выберешься!.. Да-а! Наши друзья здесь – разведчики будущего, первые «пионеры» на Диком Западе. Хвала им!»

Продвигаемся помаленьку. Уже видна за домами Ист-Ривер, река не широкая, но – гигантский мост!

Вдруг звонит телефон! В машине! Во прогресс! Миша берет трубку – причем без провода... Я шалею! Так я впервые увидел мобильный телефон.

– Привет! – Миша говорит. – Да, со мной! Это Ефимов! – сообщает мне.

– Отлично! Где он? Давай!

Мой друг Ефимов, с которым вместе начинали литературный путь! Озираюсь: где ж он?

– Рокфеллер-центр? – кричит Миша. – Через двадцать минут? Постараюсь!

– Рокфеллер-центр! Отлично! – я восклицаю. Там небоскребы! Каток (летом вроде, нет? Видел на открытке)! Флаги всего мира висят! Шикарно!

– Ты попробуй туда доползи! – хрипит Михаил.

У меня тоже в горле пересохло.

– ...Нет! Не успеем! – через некоторое время он произносит с отчаянием.

Что тут за лабиринт такой, забитый машинами?

– Что такое? – чуть обижаюсь я. – Мой лучший друг не может меня подождать двадцать минут? Мы ж не виделись двадцать лет!

– Тут это не рассматривается! – восклицает Михаил. – Здесь нельзя стоять и ждать: просто таких мест не предусмотрено. Чтобы пересечься – надо совпасть с точностью до сантиметра, и главное – до секунды. Как состыковка в космосе. Или мимо пролетишь. Порой целый день пытаемся состыковаться – и так и разъезжаемся, не повидавшись.

Неужели я друга не увижу? Чувствую, даже азарт возникает в этой игре. Да, все наши тут – безумцы, «первопроходцы», рванувшие сюда, почти не представляя, что их тут ждет... Ну а ковбои знали, что ждет их в прериях? Они – безумцы и храбрецы, первые испытавшие на себе объятия Америки, объятия будущего.

– Алле! Игорек! А к ООН ты через полчаса не сможешь подъехать? На передачу тела? – напряженный телефонный разговор. – ...Не получится?

«Да выкини ты меня где попало!» – хочется выкрикнуть. Но это, озираюсь, точно будет конец. Не выберусь! Даже на тротуар сквозь машины не выберусь. Пешеходов тут вообще нет! Лишь «железное стадо». Звонит телефон, и Миша, послушав, вдруг прижимает горячую трубку к моему уху, и я слышу сиплый, родной голос моего давнего друга, который с некоторой веселой натуужностью говорит поразительные слова:

– Нет! Сегодня ничего не получится! Унесло меня совсем не туда. Но зато я стою в соблазнительной близости от «Холланд-тоннель», который вдруг оказался не так забит. Думаю воспользоваться лазейкой и ускользнуть домой. Через час этот шанс закроется – и такого расклада может долго не быть. Так что «передача тела» откладывается! Алло! Михаил?

– Это я, тело! – произношу я и отдаю трубку. «Холланд-тоннель» ему важнее меня!

– Ну все понял! Пока! – устало говорит Михаил.

– Операция «баба с возу» не удалась! – резюмирую я.

– Зато посмотрим Нью-Йорк! – стоически улыбается Миша. Последний мой друг. – Да, вот так! Месяцами не видимся! – добавляет он.

И это в городе самых развитых коммуникаций! Прячет мобильник в бардачок. Первое мое взаимодействие с мобильником не принесло результатов, и так я до сих пор не пойму: мобильник – это символ всеисилия или полного бессилия? Медленно движемся «в железном стаде». Как первопроходцы, прокладываем путь. А им было легко? Бизоны, говорят, стояли стеной. Правда, не такие стальные, как эти, и не такие вонючие.

Проезжаем тесный, грязный невысокоэтажный Бруклин – сначала негритянский (это заметно), потом еврейский: толпы в черных лапсердаках и шляпах.

– Тут у нас ювелиры... алмазы рекой!

Чувствую, не увижу их никогда! Выезжаем на берег неширокой Ист-Ривер. Могучие мосты слева и справа. На том берегу – «горный хребет» из небоскребов. Наконец-то!

– Да. Моща! – восклицаю я.

– Вот где мы сейчас стоим – самый фешенебельный район в Бруклине! – говорит Михаил.

(Здесь, в одном из богатых домов, настигнет смерть Иосифа Бродского – в шикарной двухэтажной квартире. Вот оно, непрестанное американское стремление вверх, к успеху. В прежней полуподвальной квартирке на Мортон-стрит жена, наверное, успела бы помочь или

вызвать «Скорую». А тут только утром увидела его тело в кабинете на втором этаже. Вот как опасно высоко залезать!)

Через огромный, железный, грохочущий Бруклинский мост переезжаем в Манхэттен. Нижний Манхэттен. Тесная Уолл-стрит с выстроенной «под классику» биржей – где бурно продолжает решаться судьба мира.

Старинный форт на самом краю Манхэттена: отсюда отстреливались от англичан. Заря американской истории!

– Смотри! – восклицает Михаил.

Смотрю в небо, над домами – и вижу странный луч света, уходящий далеко вверх.

– Это просвет между башнями-близнецами. Они в дымке сейчас.

Символ американского величия, самых передовых технологий, превосходства во всем! Но дальше десятого этажа их сейчас не видно.

– Одна, кажется, на полтора метра пониже! – говорит Михаил. – В какую пойдем?

Пытаюсь хоть как-то обозначить себя на фоне такого величия.

– Давай в ту, что пониже! – шучу я. – Зачем лишний риск?

Мы входим в мраморный холл. Открываются дверки. Скоростной лифт (естественно, самый скоростной в мире) идет легко и почти неощутимо: лишь немножко придавливает.

Выходим на самый верх. Теряю равновесие и устойчивость. Стекло стенок как бы нет – почувствуй высоту и пространство: ты паришь надо всем.

Вниз и вдаль – бурное водное пространство, крохотная зелененькая статуя Свободы с факелом на острове... Как страшно, наверное, падать отсюда!

Свобода не для дураков

Наутро Михаил, добрый и терпеливый, доставил меня на радиостанцию «Свобода», где я должен был выступать. Здесь меня ждут! Петя Вайль: таким я его мысленно и видел – могучий, бородатый, толстый и теплый, настоящий Микула Селянинович... если я ничего не путаю в школьной программе. Обнявшись, мы лупим друг друга по спине. Вот она, радиостанция «Свобода»! Чуть отстранившись, оглядываю. Скромная комнатка... Сколько народа слушало «Свободу»! Вскоре появляется Петин «подельник» – Александр Генис, неразлучный соавтор его. В отличие от могучего и добродушного Пети, Александр напоминает пирата, вид у него скорее коварный – пронзительный, насмешливый взгляд из-под косой челки, нос, как ятаган. Мы крепко обнимаемся. Заочно любим друг друга давно: таких понимающих меня людей даже в Питере нет! Уходим в комнатку с микрофоном. Отсюда весь русский мир завораживал голос Довлатова. Спорил со мной заочно на этой станции – а вот очно не пришлось. Писал, что ждет меня, – но не дождался. Более важные образовались проблемы. Два месяца, как его схоронили, но многое тут еще напоминает о нем: доска, заполненная вырезками из газет... приколотые к стене его карикатуры. Запомнилась «Рой Медведев» (популярный тогда политик и публицист) – изображенный карандашом Довлатова «рой медведев», вьющихся вокруг кремлевской звезды.

Ведут к микрофону – неужели на весь мир зазвучу из этой крохотной комнатки? Как-то не верится. Волнения не ощущаю, спокойно говорю. Долблю, как обычно, свое: «Жизнь удалась!» Какая компания у меня! Кушнер, Уфлянд, Горбовский, Штемлер, Довлатов, Бродский... Не мир поглощает нас – мы поглощаем его!

Время передачи проносится как-то быстро.

Ну всё? Ну где тут теперь те бездны порока, которыми так пугали нас? «Хватит ли здоровья?» – вот что по-настоящему волнует меня. Первая «бездна порока» оказалась невдалеке – перейти совсем неширокую улочку. Вижу табличку. И это Бродвей?! После моего выступ-

ления «на весь мир» некоторое высокомерие овладевает мной. Огорчил, братец! Ведь мы даже наш широкий Невский называли «Бродвеем» и, гуляя по Невскому, мысленно «хиляли по Броду»! Где ж тут гулять? Ну разве что вот: магазин «Ликьер»! Вошли – и сиянье бутылок ослепило меня! Галереи бутылок! Мы в те суровые годы в России пили лишь спирт «Рояль», привезенный опять же из Америки (как говорили, медицинский) – а тут! Улицы и переулки бутылок, прежде виденных лишь в кино... Одних джинов – сто! Мой любимый (пока что заочно) «Бифитер» с красным английским гвардейцем на этикетке... «Гордон» – зверская морда кабана, в гирлянде черных можжевеловых ягод.

– Что берем? – Гулко, как во сне, голос Пети.

– Все! – Я выхватываю «зачачку». – Вот.

– Обижает! – насмешливый голос Саши.

Приятный бряк в рюкзаке... Потом мы, кажется, вернулись в редакцию – и процесс пошел.

– Да, мы знали, что ты жизнелюб, но не верили, что настолько! – доносится дружеский голос Пети.

И вот я куда-то лечу... Что, моя американская миссия исчерпана? Или меня выселили досрочно? Какая-то снова водная гладь за окном! Окошко, правда, квадратное... значит, не самолет. Но почему же опять слева и справа от нас, насколько хватает зрения – просторы воды?

– Хадсон! – уловив в моем взоре недоумение пополам с отчаянием, поясняет сосед.

Это его фамилия, что ли? Но он показывает пальцем вдаль. Название реки? А-а. Хадсон! Гудзон! Их могучая, в свое время индейская, река. Но зачем мне она?

– Вашингтон-бридж! – поясняет сосед.

Но это уже ясно почти – без «бриджа» бы нам над Хадсоном не лететь. Но зачем? Как-то мне Генис и Вайль ничего толком не объяснили. Или я не уловил? Может, они медленно по-английски объясняли, чтобы я лучше тут ориентировался? Может быть. «Где же я буду ночевать, в этом мире чистогана?» – горестно думаю я. Тогда я еще не знал, что в Америке все просчитывается до мелочей.

Мы съезжаем с моста. Но от этого не легче. Там хотя бы перспектива была... Гудзон! А здесь – вообще не понять! Какие-то домики... Пальмы! Беда. Стопроцентно, я потерялся, чего-то недопонял. С отчаяния засыпаю – может быть, сон ясность внесет?

Резко меня будят, грубо трясут. А говорили, страна грез! Вот она, реальность вблизи. Водитель – толстый негр, грубо разбудив, поднял меня из кресла, протащил по проходу и высадил из автобуса в непроглядную ночь! Сумка, шлепаю ладонью – слава богу, на боку... Но я-то где? Вокруг – тьма. Вот она, «страна безграничных возможностей!»... Но не для дураков!

В глубинке

Мой учитель, писатель-народник, все советовал мне уехать «в глубинку», и вот я с ужасом понимаю: я в глубинке, причем в американской, а это еще «глубиннее»! Вглядываюсь в тьму – и паника не успевает полностью овладеть мной: я оказываюсь в объятьях какого-то человека с колючей, но знакомой мне бородой. Где-то я уже ее осязал и даже обонял... В Питере! В родном Питере! Это же Ефимов – с него и начался мой бешеный взлет, первый писатель, который ввел меня в свет! И вот встреча в Америке – и, как я теперь соображаю, рассчитанная и осуществленная моими друзьями с точностью до секунды и до метра! Вот он, «американский футбол»!

Мы идем по проселку... То были времена, когда писатели непременно курили трубку – и Ефимов исключением не был. Душистый дымок.

– Да... темновато тут! – Клацая зубами, я спотыкаюсь о колдобину.

– Да уж, не Манхэттен ваш! – произносит он тоном превосходства.

Я уже как бы и завсегда Манхэттена! Хотя ни черта там, в сущности, не видал. «А ведь жил ты у нас в писательском доме, рядом с Невским!» – хотел я сказать Ефимову... Но не мне судить! Я в те годы на купчинских болотах жизнь коротал.

– А где мы сейчас? – интересуюсь я.

– Нью-Джерси! – вместе с клубом дыма выдыхает он. – Я писал тебе. Уже другой штат. Ефимов уверен в себе, даже в темноте.

– Ну не в Манхэттене же, в этой душегубке, жить! – чеканит он.

Воздух действительно тут хорош... Жадно вдыхаю воздух, поскольку ничего больше тут пока нет.

Вдруг из тьмы появляется Марина – симпатичнейшая жена сурового своего мужа.

– Марина! – Я кидаюсь ей на шею.

– Совершенно пьян! – хохочет она.

Вот теперь я действительно чувствую, что мы встретились!

Мы заходим в деревянный дом, похожий на скромную «будку Ахматовой» в Комарово.

Весь первый этаж – открытое помещение, только столик с компьютером и диван. Вдали вижу террасу, стол с абажуром над ним... Но на ужин я явно опоздал! Я падаю на диван.

– Э-э, приятель! Тебе не сюда! – доносится дружеский, но какой-то все же скрипучий голос Ефимова.

Я, как робот, встаю.

– Можно не открывая глаз? – бормочу я.

– Ну, попробуй! – усмехается Ефимов. Он подводит меня к крутой лестнице, кладет мою руку на перила. – Так... теперь в гору!

Я поднимаюсь по ступеням. Иду и иду!

– У тебя просто... небоскреб какой-то!

– Почти, – усмехается Ефимов.

Гулко ударяюсь головой в доски.

– Это люк! Открывай!

– Открываю!

– Залезай.

С трудом вкарабкиваюсь на чердак. Вот она, западная роскошь. Сколоченный топчан, на него что-то накинута.

– Ну как тебе там? – Снизу гулко доносится голос Ефимова.

– Нормально! – отвечаю я.

И вырубаюсь...

– Па-дъем! – дурашливый вопль. Всклокоченная голова моего хозяина торчит из люка в полу.

– Что-о-о... утро-о-о уж-о-о? – произнес я, раздираемый зевотой.

– Не знаю, как у вас – а у нас утро! – проговорил он весело. – Слезай! Сейчас еду по делам – могу тебя подбросить куда скажешь!

Во как.

Я, кряхтя, спустился по вертикальной лестнице – тут еще и акробатом приходится быть!

Рядом, у лестницы, радостно обнаружил и сумку мою, и дверь в узкую ванную – и впервые за много лет в зеркале увидел себя. Да-а! С красотой что-то странное творится!.. Умылся – не помогло. Решил побриться. Параллельно вспоминал.

Да-а-а... Их дом на Разъезжей (а точнее, комната в коммуналке) и есть то место, где когда-то встретились все! В один вечер (ну не обычный, а литературный) там могли оказаться и Бродский, и Уфлянд, и Кушнер, и Марамзин, и Горбовский. Там-то я подружился по-настоящему и с Ефимовыми, которым хватало терпения и доброты организовывать и выдерживать эти еженедельные сборища, ставшие теперь историческими: сложился бы вообще питерский литературный «бомонд» без Ефимовых? «Но тут к ним добираться далече! – подумал я, имея в виду уже не путь от Ленинграда к Нью-Йорку, а от Нью-Йорка сюда! – В пустыне теперь блуждают, как в Библии было сказано?.. Но выберутся», – думаю я.

Да, – я смотрю из крохотного окошка ванной, – пустыня! То ли футбольное поле, то ли пустырь. Твердости Игорька можно позавидовать. Решил – и переехал сюда. И сомнений не выказывает ни малейших! Как скототил отличную литературную компанию в Ленинграде... так, наверное, скототит и здесь... в этом домике? Отличная, просторная застекленная терраса, окнами в зелень. Да, тут можно жить и работать. А в Ленинграде, честно сказать, последняя квартира Ефимовых на канале Грибоедова была темновата!

Слегка взбодрившись, я вышел к ним.

– А здесь... отдельный дом! – размышляя, эту последнюю фразу я произнес вслух. – Причем твой! – сказал Ефимову, правду в глаза.

– Мой, – усмехнулся он. – ...Правда, каждый месяц я должен выплачивать по частям его цену... немалую, надо сказать.

– Хорошо, значит, идут дела!

Эта бодрая моя фраза, я заметил, взбесила Ефимова.

– Лучше некуда! – прохрипел он. – ...Если не считать того, что в почтовый ящик каждый раз руку опускаю так осторожно, словно боюсь там схватить очковую змею.

– Откуда ж она там?

– С почты! – резко сказал он. – Может, обнаружится чек за проданные книги издательства, долларов этак на двести... А может, и иск на миллион!

– Что же такого натворить надо – на миллион? – изумился я.

– ...Дороже всего здесь оценивается моральный ущерб! Права индивидуума! Хочешь выкинуть миллион – обидь кого-нибудь. Или хотя бы упомяни без его согласия. Многие наши друзья – бывшие алкаши – тут оценивают себя в миллион... непонятно, правда, с какого бодуна.

– Кто ж это?!

– Да тот же Мишка Шемякин!

– Мишка? Шемякин? – вскричал я. – Да это же... друг! Да я же! Его знал!.. Еще таким! – Я поставил свою ладонь сантиметров на десять от земли, потом, подумав чуть-чуть, добавил: – За пивом бегал... Правда, не для меня! – поправился я, уже в испуге: миллион-то кому охота терять?

– Тут за пивом не бегают! Тут деньги делают! – зловеще Ефимов произнес. – Причем фактически из всего! Шемякин якобы за батю обиделся.

– А чем же ты батю его обидел? Он разве здесь?

– Прелесть ситуации заключается в том, что он сам своего батю обидел – а с меня потребовал миллион.

– Да. Серьезно поставлено тут.

– Напечатал я в одном сборнике его давнее интервью – где он клянёт батю своего, называя сатрапом и чекистом. И – бац! – иск мне на миллион. Оказывается, он взгляды свои тут в Америке пересмотрел, и батя его не сатрап и чекист, а лихой кавалерист! А за «чекиста» – с меня миллион. Многие тут, на воле, странно преобразились. Бежали от коммунистов – а тут ими стали.

– Да-а... Удивительная страна! Слышал, что права личности тут берегут... но чтоб такое!.. Дураки на свободе.

– Да нет, вовсе не дураки! Соображают! К счастью, судья-негритянка умная оказалась. Сказала ему: «Наказание за ваши ошибки молодости вы должны сами нести, а не вешать вину на других»!.. Это я в вольном переводе даю.

– ...Вы же с Шемякиным корешились в Питере! У тебя же картина его была!

– Продал немедленно. Заодно, кстати, узнал, что слухи о бешеных его гонорарах распространяет он сам. За копейки купили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.